

Дмитрий Данилов

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ В ПОИСКЕ ОТВЕТОВ НА ВЫЗОВЫ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Когда речь заходит о *европейском ответе* на события и вызовы *Арабской весны*, многие обозреватели констатируют очевидную неготовность Европейского союза (ЕС) к произошедшему в его близком окружении. Причем близком не только географически и исторически, но и в современном политическом контексте — страны региона стали важнейшими адресатами Европейской политики соседства (ЕПС), инициированной ЕС в 2004 г. после его расширения в восточном направлении, а с 2008 г. — его партнерами в Союзе для Средиземноморья, учрежденного по инициативе Франции в период ее председательства в ЕС.

Подобные комментарии о неготовности Европы, вполне вписывающиеся в усиливающиеся тренды евроскептицизма, конечно, справедливы, но лишь отчасти. Ведь *Арабская весна*, начавшаяся зимой 2010–2011 гг. с *жасминовой революции* в Тунисе, стала неожиданностью не только для ЕС, более того — не только для окружающего мира, но даже для тех, кого затем непосредственно охватила революционная волна. В конце декабря 2010 г. вместе с Тунисом *зацвел* Алжир, а в начале следующего года беспрецедентное по масштабу движение народных масс, выступивших против диктаторских и коррумпированных режимов, против бесправия и нищеты распространилось фактически на весь регион, включая Египет, Йемен, Ливию, Сирию. К концу февраля 2011 г. волнениями были охвачены 19 из 22 расположенных в Северной Африке и на Ближнем Востоке арабских государств с общим населением около 350 млн человек. В ряде из них волнения переросли в восстания, революции и гражданские войны, с сотнями и тысячами жертв среди манифестантов, мирного населения и среди применивших оружие армейских и полицейских подразделений.

Поэтому вопрос не столько в том, насколько неожиданными или непредсказуемыми оказались эти события, а в том, в какой мере ЕС должен и готов отвечать за них и на них¹.

2011. НАЧАЛО. АРАБСКИЙ ВЫЗОВ ОБЩЕЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

ЕС первоначально, действительно, не спешил давать политические оценки тунисских событий. Однако сдержанность Брюсселя объяснялась не растерянностью, а главным образом прагматичным поведением в ситуации, довольно не определенной с точки зрения как масштаба народных волнений, так и реакции властей, репрессивных мер и возможной эскалации конфликта. Скорого падения режима президента Бен Али никто не ожидал, и ЕС предпочитал удерживаться, насколько возможно, от осложнения отношений со своим официальным партнером, с кото-

А
Н
А
Л
И
З

рым Брюссель в 2010 г. начал переговоры о предоставлении Тунису «продвинутого статуса» в рамках ЕПС.

Брюссель, естественно, понимал, что такая выжидательная позиция входит в противоречие с ценностными установками, являющимися фундаментальной основой евроинтеграции и, соответственно, отношений ЕС с партнерами. В начале января 2011 г. ряд авторитетных НПО (Евро-Средиземноморская сеть по правам человека, Международная федерация лиг по правам человека, Каирский институт исследований в области прав человека, *Репортеры без границ*) заявили о своей глубокой озабоченности драматическим развитием событий в Тунисе. В заявлении выражалось глубокое сожаление по поводу отсутствия должной реакции со стороны ЕС и содержался призыв к нему осудить насилие в отношении гражданско-го населения. Сдержанность ЕС подверглась принципиальной критике и изнутри. В Европарламенте с резким осуждением действий тунисских властей выступили группы социалистов и *зеленых*. Даниэль Кон-Бендит, лидер Зеленых-ЕСА призвал всех тех, «кто поддерживал президента Бен Али в его борьбе против фундаментализма», «вернуться на землю» и признать, что именно он и является «главным вдохновителем фундаментализма». В этой связи он выразил сожаление, что ЕС не готов противостоять тунисской реакции и «в очередной раз демонстрирует неспособность вырабатывать цельную, последовательную и эффективную внешнюю политику в отношении своих партнеров»².

Отчасти требования к Брюсселю занять более внятную позицию были связаны и с тем, что с 1 января 2011 г. официально приступила к работе Европейская служба внешних дел (ЕСВД), которая должна была продемонстрировать свою востребованность и дееспособность новых механизмов и инструментов Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ).

Вместе с тем на начальном этапе политические издержки критики в адрес ЕС были относительно не велики и вполне могли быть списаны на неопределенность ситуации и необходимость времени на выработку согласованной позиции стран-участниц. Кроме того, недостатки в практической внешней политике ЕС могли быть отчасти объяснены и понятными сложностями начального этапа деятельности ЕСВД. Однако важно то, что зазвучавшие призывы и требования к ЕС более четко формулировать свою позицию и последовательно следовать избранной политической линии, обращенные прежде всего к новым внешнеполитическим институтам ЕС, с самого начала заставляли Брюссель искать пути преодоления его политической реактивности.

Позиция по Тунису (или, вернее, ее отсутствие) явно контрастировала с реакцией ЕС на теракты против христиан-коптов в египетской Александрии накануне нового 2011 г., в результате которых погибло 24 человека. Учитывая, что взрывы в Египте были осуществлены вслед за целой серией преступлений против христиан в рождественский период (в Ираке и Нигерии), некоторые страны ЕС, прежде всего Франция и Италия, а также европарламентарии, призвали к выработке европейской акции в поддержку протестующих восточных христианских общин. Антонио Таджани, член Еврокомиссии (ЕК) по вопросам промышленности и предпринимательства, на заседании 3 января высказался за обсуждение в ЕС этого вопроса в более широком контексте — защиты религиозных меньшинств. Президент ЕК Жозе Мануэль Баррозу в своем выступлении перед прессой 5 января, посвященном энергетической политике и инновациям, «воспользовался случаем», чтобы «сказать несколько слов о некоторых недавних событиях». Выразив глубокую озабоченность актами насилия против христианских общин и верующих, он заявил, что эти акты «должны быть решительно осуждены и требуют ответных действий». По его словам, нападения в Александрии свидетельствуют о серьезности ситуации и опасности ее эскалации, «если не заняться ей в должное время и решительным образом». Однако весьма показательным то, что Баррозу при этом так и не упомянул обострившийся тунисский кризис. Баррозу подтвердил глубокую приверженность ЕС свободе вероисповедания и религий и в целом фундаментальным правам

человека³. В последующие дни было предложено включить этот вопрос в повестку дня очередного Совета по внешним делам, намеченного на 31 января, и подготовить согласованный ответ 27 стран ЕС на угрозу восточным христианам со стороны Аль-Каиды.

Хотя в этом случае ЕС, продолжая сохранять пассивность в отношении Туниса, и продемонстрировал готовность определить свою политическую позицию, проявилась другая его слабость — очевидная ограниченная способность к согласованным действиям. Спикер президента комиссии О. Байи подтвердил, что выйти за рамки политического заявления довольно проблематично даже в такой ситуации, когда все страны ЕС готовы осудить теракты в Египте. В случае если бы страны ЕС согласились попытаться выработать официальную общую позицию, необходимо было бы четко определить, какие конкретные меры могли бы быть предприняты в этой связи. Особая же сложность состоит в том, что необходимо было бы организовать обсуждение всего набора возможных мер (что априори вряд ли возможно для многих стран-участниц), не говоря уже о достижении на этой основе компромиссного решения с учетом баланса интересов и требований различных социальных групп. В свою очередь, просчет подобных негативных политических и практических перспектив принятия ЕС тех или иных позиций изначально программирует его политическую пассивность и реактивность.

Все эти недостатки и ограничения внешнеполитического аппарата ЕС в полной мере проявились на начальном этапе зарождения *демократической волны* в арабском мире. События явно опережали решения.

Массовое восстание в Тунисе заставило бежать из страны президента Бен Али. Только когда произошла смена власти и 17 января было сформировано новое правительство, позиция Брюсселя наконец определилась. В тот же день Кэтрин Эштон и Штефан Фюле (комиссар по политике расширения и соседства) в совместном заявлении⁴ выразили солидарность ЕС с тунисским народом и предложили переходной власти немедленную помощь в организации честных свободных выборов и создании правительства национального единства, которое обеспечило бы мирный демократический переходный процесс. ЕС, как указано в заявлении, готов предоставить Тунису дополнительную чрезвычайную помощь, и Брюссель уже начал работу над «широким пакетом мер» по содействию демократическим реформам и экономическому развитию страны. Несмотря на революционные изменения в Тунисе и неясность политической перспективы, ЕС подтвердил новому руководству страны, что вопрос о предоставлении Тунису «продвинутого статуса» не снят с повестки дня и должен обсуждаться в качестве реальной перспективы. Тем самым Брюссель, с одной стороны, стремился сохранить сложившийся формат отношений с Тунисом, с другой стороны — демонстрировал критикам, что европейская сдержанность была оправдана (поскольку успешные решения о замораживании переговоров и т. д. оказались бы контрпродуктивными).

Начавшиеся 25 января массовые волнения в Египте подтвердили прогнозы тех, кто предупреждал о возможном революционном *эффекте домино* в Южном Средиземноморье или даже рассчитывал на это⁵. Для ЕС это послужило сигналом, что, *во-первых*, Брюссель уже не может продолжать придерживаться тактики выжидания, что необходимо преодолеть реактивность европейской политики в отношении государств региона. *Во-вторых*, что эта политика должна иметь двуединый характер: с одной стороны, предусматривать осуществление комплекса экстренных антикризисных мер, включенных, с другой стороны, в общий контекст обновленной концепции долгосрочных отношений с арабскими странами. И поэтому, *в-третьих*, адресная политика в отношении отдельных государств, учитывающая их специфику, должна быть вписана в продуманную региональную стратегию, отражающую изменившиеся реалии. В ЕС окрепло понимание масштабности проблемы, и региональная тематика вошла в центральный круг приоритетов общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Обратной стороной медали стало то, что эта арабская весна стала тестом на востребованность и внешнеполитиче-

скую дееспособность ЕС в качестве самостоятельного и авторитетного международного игрока, испытанием его успешности в новом лиссабонском формате, а конкретно — тестом для ЕСВД.

Учитывая остроту ситуации в Южном Средиземноморье, ее быстрое развитие и эскалацию конфликтов, акцент повестки Совета министров иностранных дел ЕС 31 января 2011 г. был смещен на обсуждение региональной проблематики. Рассматривая положение в Тунисе после смены власти, министры особое внимание уделили обсуждению влияния тунисской революции на соседние страны, особенно Египет. В то же время они понимали, что принимаемые решения и по Тунису, и, с их учетом, по Египту формируют координаты будущей региональной политики и будут восприниматься именно как модель европейского подхода и будущей политики. В ходе министерской дискуссии по Египту было начато обсуждение более широкого регионального контекста событий, пересмотра политики и вовлеченности ЕС в регионе, в частности европейской политики соседства. Кэтрин Эштон подтвердила, что она внесет в повестку Совета обсуждение ЕПС⁶.

Невнятное отношение Брюсселя к народным выступлениям в Тунисе против официальных властей сменилось признанием «мужества и решимости тунисского народа в их мирной борьбе за утверждение своих прав и демократических устремлений». Совет в своих заключениях подтверждает полную солидарность с демократическими усилиями Туниса и готовность оказать ему поддержку «в установлении стабильной демократии, верховенства закона и демократического плюрализма при полном соблюдении прав человека и фундаментальных свобод». Евросоюз приветствует соответствующие решения переходного правительства, принятые им обязательства и настаивает на их выполнении. ЕС укрепит партнерство с Тунисом с целью оказания ему содействия в осуществлении демократических социально-экономических реформ и готов для этого «мобилизовать все имеющиеся в его распоряжении ресурсы». Совет декларировал намерение «модернизировать свою стратегию и содействие Тунису в соответствии с новым контекстом и устремлениями тунисского народа», включая работу, совместно с будущим демократически избранным правительством, по завершению переговоров по продвинутому статусу. Поэтому особым положением позиции ЕС является поддержка скорейшего проведения президентских и парламентских выборов, а также намерение Брюсселя, по запросу Туниса, оказать политическое, правовое, техническое и материальное содействие в их подготовке и проведении (включая направление в страну европейской подготовительной и наблюдательной миссии). С учетом консультации с тунисской стороной Совет ЕС принял ограничительные меры в отношении лиц, виновных в растратах государственных средств, — были заморожены активы смещенного президента Бен Али, его семьи и близких⁷.

Понимание того, что события в Египте во многом повторяют тунисский сценарий, существенно сужало коридор для политического маневра ЕС. Когда за два дня до сессии Совета министров ЕС Хосни Мубарак сменил правительство, это не только не позволило переломить ситуацию, но еще больше убедило ЕС, что она фактически вышла из-под контроля египетского президента. Несмотря на то что вероятные последствия падения правящего режима в Египте, учитывая его региональную роль и особый вес в ряду европейских партнеров, намного превосходили «издержки» тунисской революции, Евросоюз признал «легитимные демократические устремления египетского народа»⁸. Совет призвал египетские власти встать на путь коренных демократических реформ, сформировав для этого правительство национального единства, которое обеспечило бы свободные и честные выборы.

При этом Брюссель, требуя от египетских властей соблюдения прав человека, поиска мирных и конструктивных решений через открытый политический диалог со всеми политическими силами, придерживающимися демократических норм, и гражданским обществом и т.д., воздерживался от прямых обвинений в адрес официального руководства страны. Такая попытка подстраховаться на случай, хотя и маловероятный, что режим сможет устоять, и не захлопывать дверь окон-

чательно, вполне объяснима. Но это, с другой стороны, ослабляет политические позиции ЕС, подрывает доверие к его принципиальности и последовательности, веру в то, что европейская политика действительно определяется заявленными ценностными ориентирами, а не прагматичными интересами. Чтобы хотя бы отчасти компенсировать подобную двойственность, Совет, подытоживая свои заключения положением о поддержке Евросоюзом «демократического, плюралистического и стабильного Египта», апеллирует непосредственно к египетскому народу, который он готов поддержать в процессе демократического перехода и реформ, ориентируясь на будущее развитие. Однако с учетом недостаточной последовательности и принципиальности линии Брюсселя, это также выглядит не как четкая позиция, а скорее как конъюнктурное *понимание момента*.

Мартин Шульц, лидер социал-демократической, второй по величине фракции Европарламента (а теперь президент Европарламента) счел решения и формулировки Совета недостаточными и призвал президента страны Хосни Мубарака сложить полномочия, чтобы открыть путь к демократическим реформам в Египте. 2 февраля в Европарламенте прошли дебаты по ситуации в арабско-средиземноморском регионе, в Египте и Тунисе — в первую очередь. Была принята совместная декларация по Тунису, в которой сделан упор на подготовку выборов и демократических преобразований, но принятие резолюции по Египту было отложено на следующую сессию. Было принято решение, с учетом необходимости практического укрепления собственной роли Европарламента, направить в Тунис его представительную делегацию для изучения ситуации на месте и налаживания диалога с представителями переходного правительства и гражданского общества. Одновременно Европарламент адресовал Высокому представителю запрос о своем подключении к работе над конкретными планами содействия демократическому процессу в Тунисе и выдвинул предложение направить туда миссию ЕС по наблюдению за выборами. Демонстрируя активную позицию Европарламента, депутаты во время дебатов выступили с жесткой критикой политики ЕС в регионе и европейской дипломатии. Характерно, что Кэтрин Эштон фактически не оспаривала эту критику по существу, отметив лишь, что она не может нести ответственность за то, что ей «досталось в наследство», что ее Служба находится в процессе становления и работает в условиях крайне сложной международной ситуации. Парламентарии подчеркнули необходимость безотлагательно подвергнуть пересмотру ЕПС и «политику по содействию демократии и правам человека и создать механизм исполнения по положениям о правах человека во всех соглашениях с третьими странами»⁹.

Критические настроения в Европарламенте и его решения способствовали усилению активного политического лагеря внутри Евросоюза. Лидеры пяти ведущих стран ЕС (Германии, Франции, Великобритании, Италии и Испании) опубликовали накануне саммита Союза 4 февраля совместную декларацию, где подчеркнули необходимость незамедлительно начать формирование в Египте нового правительства. В результате Евросовет последовал за пятеркой и призвал Египет начать переходный процесс немедленно, хотя и не связал это напрямую с необходимостью ухода действующего руководства. Несмотря на общее понимание необходимости смены власти, как пояснила канцлер ФРГ А. Меркель, ЕС не может официально вмешиваться в решение этого вопроса, относящегося к внутренним делам Египта. Но европейские лидеры считают невозможным откладывать выборы до осени, как предложил накануне саммита египетский вице-президент Омар Сулейман, направивший Эштон «дорожную карту реформ для проведения президентских выборов в сентябре».

Саммит принял итоговую декларацию по Египту и региону в целом. Европейские лидеры осудили насилие против демонстрантов, а попытки египетских властей ограничить свободу информации, агрессия в отношении журналистов и их запугивание были названы неприемлемыми.

ИМПЕРАТИВЫ НОВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

Итак, вернувшись после рождественских каникул 2010–2011 гг., европейские политики и брюссельские технократы были вынуждены кардинально пересматривать свои рабочие графики и планы под давлением нарастающей арабской волны. Никто пока не говорил о *цунами*, но события в Тунисе и Египте заставили Евросоюз сделать три принципиальных вывода.

Во-первых, стало очевидно, что европейские реакции явно отстают от логики событий и явно неадекватны ей, а новые механизмы и инструменты ОВПБ оказываются в этой ситуации малоэффективными.

Во-вторых, стало понятно, что эта протестно-революционная волна не может остановиться на границах Туниса или Египта, она с большой долей вероятности захватит и другие страны региона, где усиливающиеся протесты могут привести к повторению тунисского и египетского сценария.

В-третьих, на смену прежней критики неэффективной ЕПС и Средиземноморской политики ЕС пришло понимание их полного провала. Расчет на поддержание с помощью этих коммунитарных политик стабильности в регионе, особенно с учетом европейских приоритетов безопасности, не оправдался.

Сочетание всех трех выводов означало необходимость выработки Евросоюзом новой региональной стратегии и соответствующих подходов и инструментов, причем действовать Евросоюзу должен был безотлагательно и решительно. С одной стороны, учитывая масштабность вызова, нарастающую динамику событий и перемен в регионе и эскалацию нестабильности, с другой стороны — в связи с невозможностью продолжать и далее использовать в отношениях с региональными партнерами не оправдавшие себя подходы и устаревшие инструменты. Тем более в отношениях с новыми партнерами и политическими силами, пришедшими к власти под флагами обновления. Причем императив выработки новой региональной стратегии был не только политическим, но и финансово-экономическим. Вряд ли вообще можно представить, что страны ЕС согласились бы продолжать выделять ресурсы на цели и инструменты провалившейся политики, а Европарламент, резко критикующий ее, одобрил бы подобный бюджет.

В результате уже в начале февраля 2011 г. Евросовет инициировал разработку новой региональной политики ЕС, поручив Эштон подготовить пакет мер по поддержке переходных и трансформационных процессов в арабско-средиземноморском регионе. На саммите были определены приоритетные направления содействия со стороны ЕС: укрепление демократических институтов; обеспечение демократического управления и социальной справедливости; подготовка свободных и справедливых выборов. Лидеры стран ЕС официально признали необходимым адаптировать в соответствии с этими целями ЕПС, а также инструменты ЕС для оказания гуманитарной помощи, если и когда она понадобится. Европейские страны в принятом итоговом документе впервые обозначили *принцип обусловленности*, то есть взаимосвязи между помощью Евросоюза странам-партнерам и проведением ими политических и экономических реформ: «Европейский совет привержен формированию нового партнерства, включающего более эффективную поддержку в будущем тех стран, которые следуют курсом политических и экономических реформ, в том числе в рамках Европейской политики соседства и Союза для Средиземноморья»¹⁰.

Через месяц, 8 марта, был обнародован первый официальный документ ЕС, в котором изложена модернизированная концепция сотрудничества с арабскими государствами, подготовленная Еврокомиссией и аппаратом Высокого представителя ЕС по внешним делам и политики безопасности, — «Партнерство с Южным Средиземноморьем во имя демократии и совместного процветания»¹¹. Представ-

ля журналистам новый документ, Баррозу заявил, что «Европейский Союз должен сделать качественный рывок вперед в отношениях с нашими соседями, которые хотя и способны продвигаться по пути политических и экономических реформ»¹². Предложенную концепцию нельзя назвать кардинально новой, поскольку она, ориентируясь на качественный рывок, в любом случае должна демонстрировать преемственность политики ЕС, базирующейся на неизменных ключевых ценностях и европейских приоритетах. Евросоюз декларирует не отказ от своей прежней политики, что де-факто означало бы признание ее дефолта, а существенное обновление своего курса с учетом происходящих в регионе изменений и возникающих в этой связи новых возможностей, поэтому в концепции при сохранении базовых политических установок по-новому расставлены некоторые акценты и содержатся существенные дополнения, включая конкретные меры экстренного или среднесрочного характера.

Основные политические задачи ЕС сформулированы в виде трех составляющих Партнерства во имя демократии и совместного процветания¹³.

В качестве приоритетной цели по-прежнему декларируется развитие в регионе демократии, и поэтому первым элементом новой стратегии является адресное содействие демократической трансформации и формированию демократических институтов, сфокусированное на обеспечении фундаментальных свобод, конституционных и правовых реформ и борьбе с коррупцией.

Вторым ключевым элементом в новой концепции названа необходимость расширения партнерства за узко государственные рамки — за счет выстраивания взаимодействия с народами и социальными партнерами, особенно в форме поддержки гражданского общества, с повышенным вниманием к молодежи.

В концепции признается, что волнения в ряде арабских государств связаны с экономическими проблемами, диспропорциями в распределении национального богатства, ограниченным предложением рабочих мест, слабой системой образования и профессиональной подготовки и т. д. Исходя из этого третьей ключевой составляющей, перешедшей из старой концепции политики соседства, является устойчивое и инклюзивное экономическое развитие и создание рабочих мест. Эта задача изложена более подробно, чем в прошлом, и охватывает обширную сферу взаимодействия ЕС и стран-партнеров, в том числе поддержку малого и среднего бизнеса, реформы систем образования и здравоохранения, развитие бедных районов.

В новый документ включен раздел об экстренных действиях ЕС — гуманитарной помощи и решении разнообразных проблем, возникших в связи с потоком беженцев из стран Северной Африки, особенно из Туниса и Ливии. Наконец, предусмотрено значительное увеличение финансовых средств, выделяемых на развитие партнерства с государствами Южного Средиземноморья — дотаций из бюджета ЕС, кредитов Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), а также других финансовых институтов.

Состоявшийся 11 марта внеочередной саммит ЕС, посвященный как ситуации и эскалации вооруженного конфликта в Ливии, так и в целом южно-соседству, принял декларацию, в которой приветствовал новую концепцию партнерства с государствами Южного Средиземноморья. Комментируя решения Евросовета, его председатель Херман Ван Ромпёй сделал принципиально важное замечание, определяющее одну из базовых установок нового курса ЕС. Он заявил, что «восстания в Тунисе, Египте или Ливии, не имеют ничего общего с фундаментализмом. Мы являемся свидетелями не экстремизма, или столкновения цивилизаций, но одного из эпизодов борьбы за свободу и справедливость»¹⁴.

В итоговом документе саммита отмечается, что наряду с дифференцированным подходом партнерство «должно быть основано также на более глубокой

экономической интеграции, более широком доступе на рынки и политическом сотрудничестве»¹⁵. Поэтому дифференцированный и адресный подход Евросоюзу отнюдь не означает попытку относительно ограничить объемы помощи и программы содействия. Напротив, курс на активную вовлеченность предполагает плановое наращивание масштабов сотрудничества со странами Южного Средиземноморья, несмотря на колоссальные сложности и проблемы, с которыми сталкивается ЕС в результате финансово-экономического кризиса. В новой стратегии выражается поддержка предложения Европарламента увеличить сумму кредитов ЕИБ на 1 млрд евро — с четырех, предусмотренных ранее для средиземноморских стран на 2011–2013 гг. Одновременно Комиссия поддержала инициативу распространить деятельность ЕБРР на Южное Средиземноморье, которое прежде не было включено в его орбиту. При согласии акционеров на внесение соответствующих изменений в статут банка, он может направить в регион еще 1 млрд евро из имеющихся у него ресурсов¹⁶. В документе особо подчеркивается, что эти и другие подобные инициативы не будут реализовываться за счет программ кредитования других стран, в рамках финансовых инструментов восточного партнерства, например.

Средиземноморская политика не могла рассматриваться лишь в качестве одного из направлений в системе партнерских отношений Евросоюза, не затрагивая другие. Она строилась в развитие ЕПС, как ее южное измерение, наряду с восточным. Поэтому не только с формальной точки зрения страны региона являются участниками политики соседства, но и сотрудничество с ними Евросоюза строится на общих принципах и модальностях ЕПС. Внесение существенных изменений в систему южного партнерства требовало соответствующей перестройки ЕПС в целом. Но проблема имеет более широкий характер. Дело в том, что крах прежней модели Союза для Средиземноморья поставил вопрос об адекватности целей и инструментов всей ЕПС. На весенней (2011 г.) сессии Европарламента состоялась основательная дискуссия о ЕПС в обоих ее измерениях. В резолюции по южному измерению сделан вывод, что политика соседства оказалась неэффективной при достижении ее основных целей — продвижения демократии и прав человека и неспособной обеспечить должные политические, социальные и институциональные реформы, о чем и свидетельствуют события *Арабской весны*. Европарламент предложил Еврокомиссии подготовить предложения по реформе ЕПС, в том числе более жестко увязать помощь Евросоюза с развитием демократии и защитой прав человека, развивать партнерство не только с государствами, но и с гражданскими обществами¹⁷. При этом в резолюции по восточному измерению ЕПС подчеркивается, что провалившаяся политика сотрудничества с недемократическими режимами (Туниса и Египта) заставляет ЕС делать соответствующие выводы и в контексте отношений с такими государствами, как Белоруссия, и что политика соседства везде должна быть ценностно-ориентированной¹⁸.

Такие предложения были подготовлены и представлены Совету ЕС 27 мая в виде еще одного концептуального документа — совместной коммуникации Высокого представителя по ОВПБ/ОПБО и Еврокомиссии «Новая и амбициозная Европейская политика соседства»¹⁹. Представляя его на пресс-конференции, Кэтрин Эштон и еврокомиссар Штефан Фюле подчеркнули, что смысл новой инициативы состоит в том, чтобы вдохнуть новую жизнь в ЕПС путем «большого финансирования, более ориентированного на реформы подхода» Евросоюза²⁰. Дополнительно к 5,7 млрд евро, уже предназначенных для ЕПС из ресурсов ЕС на период 2011–2013 гг., в эти же годы будет выделено еще 1,24 млрд. Кроме того, в тот же период ЕИБ предоставит кредиты на цели ЕПС в размере 1 млрд евро. Наконец, Европейский банк реконструкции и развития готов увеличить ежегодные кредиты странам — участницам ЕПС в 2011–2013 гг. до 2,5 млрд евро.

Что касается содержания новой ЕПС, то еще категоричнее изложена первая приоритетная установка — поддержка строительства глубокой и устойчивой демократии, при возрастающей важности партнерства с обществами. Вторым

приоритетом, как и прежде, является поддержка «устойчивого экономического и социального развития», но значительно расширены и конкретизированы направления этой сферы действий ЕС. Концепция относится и к восточным, и к южным партнерам, но в первом случае авторы ограничились постановкой общей задачи «укрепить восточное партнерство», а во втором — подтверждается сформулированная ранее задача строительства «партнерства с Южным Средиземноморьем во имя демократии и общего процветания». В этой связи «ЕС будет поддерживать каждую страну на дифференцированной основе, чтобы обеспечить необходимый учет индивидуальных нужд и приоритетов». При этом Евросоюз фокусирует свою помощь на трех «М» — Money, Mobility and Markets, то есть деньги, мобильность, рынки²¹.

В соответствии с двумя коммуникациями (8 марта и 25 мая) Комиссия дополнительно утвердила 26 сентября 2011 г. четыре программы содействия странам Северной Африки и Ближнего Востока — в поддержку демократии, экономического роста, занятости, сферы микрофинансов, образования.

Принципиальным отличием нового подхода ЕС стало то, что при сохранении общих демократических установок и ориентиров партнерства, четко и довольно жестко артикулирован принцип обусловленности. «Партнерство во имя демократии и совместного процветания» не только «должно безоговорочно основываться на совместной приверженности общим ценностям», но и «строиться исходя из конкретного прогресса» в сферах «демократии, прав человека, социальной справедливости, надлежащего управления и верховенства закона». В тесной связи с такой постановкой вопроса находится и упоминание о том, что партнерство будет базироваться на дифференцированном подходе²² и иметь адресный характер, отражающий специфику каждой из стран-партнеров²³. «ЕС должен быть готов предоставлять большую поддержку тем странам, которые готовы к работе по такой совместной повестке, а также к пересмотру поддержки, если страны сходят с этого курса»²⁴.

Такие акценты по существу призваны принципиальным образом изменить политическую практику Евросоюза в отношениях с партнерами. Прежде основополагающим критерием партнерства ЕС со странами региона было поддержание там относительной стабильности и укрепление безопасности, включая предсказуемость и управляемость всего комплекса двусторонних политико-дипломатических отношений Евросоюза с государствами (и правящими режимами) Южного Средиземноморья.

В совместной Декларации парижского саммита, учредившего в июле 2008 г. Союз для Средиземноморья, 43 государства-участника заявляют о своем стремлении сделать Средиземноморье «пространством мира, демократии, сотрудничества и процветания» укреплять сотрудничество, чтобы «воплотить добрые намерения в действия». В разделе, посвященном стратегической цели Союза только в шестом пункте из восьми идет речь о демократических ориентирах: участники выражают свою решимость «укреплять демократию и политический плюрализм», «бороться за общее будущее, основанное на полном соблюдении демократических принципов, прав человека и фундаментальных свобод»²⁵. Однако подобная политкорректная упаковка средиземноморского проекта никоим образом не означала, что ЕС намерен на деле приоритизировать повестку демократической трансформации стран-партнеров. Для них, в свою очередь, поддержание этой риторики также означало не более чем соблюдение правил игры, в которой Брюссель будет оплачивать свои ставки вполне конкретными и весьма существенными ресурсами. О том, что Евросоюз не готов был взвешивать взаимодействие с арабскими странами на весах демократических ценностей, свидетельствует, в частности, пункт 2 Декларации. В нем содержится важное для партнеров ЕС уточнение — продвижение политических и социально-экономических реформ и модернизация должны осуществляться на основе «равенства и взаимного уважения суверенитета каждого»²⁶.

Документы, связанные с участием арабских стран в ЕПС, ясно показывают, что Брюссель занимал весьма сдержанную позицию в отношении дефицитов демократии в государствах-бенефициариях, хотя и констатировал существование проблем. Например, в отчете 2010 г. о прогрессе Туниса в рамках ЕПС в связи с очередным переизбранием президента Бен Али отмечается, что существуют препятствия плюрализму и электоральным свободам; что в контексте выборов стал еще более очевидным разрыв между официальной поддержкой властями фундаментальных свобод и прав человека и реальным положением дел, что сохраняются пробелы в юридической сфере и уголовном праве; нет существенных подвижек в борьбе с коррупцией и т. д. и что по многим из этих критериев Тунис не выполняет принятый план действий²⁷. Однако это отнюдь не стало для Евросоюза основанием для критической корректировки сотрудничества с Тунисом. Совсем напротив, Брюссель признал необходимым наращивать сотрудничество — как в проблемных сферах, так и в целом. Об этом ясно свидетельствует Национальная индикативная программа для Туниса на 2011–2013 гг., принятая с учетом согласия ЕС приступить к формированию с этой страной усиленного партнерства²⁸.

Инерция такого политического реализма оказалась настолько сильна, что всего за неделю до бегства президента Бен Али, как прозвучало в ходе дебатов в Европарламенте, «французский министр иностранных дел предложил тунисскому правительству помощь в форме полицейских формирований для борьбы с беспорядками и содействие в полицейской охране общественного порядка», а Еврокомиссия никак не отреагировала на это предложение²⁹.

Таким образом, политика Брюсселя в регионе после *одинадцатого сентября* и в рамках Союза для Средиземноморья во второй половине 2000-х гг. довольно отчетливо обрела форму *платы за стабильность*, а адресный подход к партнерству на деле строился по принципу *всем сестрам по серьгам*. При этом такой прагматизм Брюсселя делал его программы содействия все более обременительными и в финансово-экономическом плане, и в морально-политическом, а достижение поставленных целей и задач — все более сложным и проблематичным. В этом смысле *Арабская весна* не только разрушила сформировавшиеся политические установки и механизмы отношений Евросоюза со странами региона, но и открыла, по существу, уникальную возможность отказаться от прежней практики. При этом Евросоюз исходит из исторического масштаба разворачивающихся событий, являющихся отражением глубоких трансформационных процессов и из того, что они «будут иметь последствия долгосрочного характера не только для стран региона, но и для остального мира, и для ЕС в частности»³⁰.

Партнерство с Южным Средиземноморьем стало попыткой ЕС преодолеть неэффективность своей традиционной политики в регионе, притом неоправданно затратной, единственно возможным путем — формирования проактивного подхода. Как отмечается в документе, Евросоюз, осознавая все риски, неопределенности и сложности, связанные с трансформационными процессами в регионе, «должен сделать ясный стратегический выбор в поддержку стремления к тем принципам и ценностям, которым он привержен». Именно «по этим причинам ЕС не должен быть пассивным наблюдателем»³¹.

Вместо дискредитировавшего себя курса на поддержание стабильности и безопасности на приемлемом уровне при общей терпимости в отношении официальных партнеров в лице авторитарных и коррумпированных режимов Евросоюз признал необходимым добиваться своих целей посредством повышения активной вовлеченности в демократическое развитие региона. При этом линия на поощрение *лучших* и мотивацию *отстающих* может оказаться довольно продуктивной в ситуации, когда новые политические силы, сменившие обрушившиеся режимы, жизненно заинтересованы в поддержке со стороны Евросоюза, как политической, так и экономической. Однако неясно, как долго будет сохраняться такая критиче-

ская заинтересованность и как в действительности она будет мотивировать новые арабские режимы проводить реальные демократические преобразования. С другой стороны, открытым остается вопрос о том, насколько сам Евросоюз сможет придерживаться принципа обусловленности, если события в Южном Средиземноморье, что весьма вероятно, будут развиваться в ином русле, не соответствующим европейским представлениям о демократии.

Новая средиземноморская стратегия может в определенной мере рассматриваться и в контексте еще одного вызова европейской безопасности, усилившегося многократно с приходом *Арабской весны* — нелегальной иммиграции и потоков беженцев. После революции в Тунисе эта проблема становилась все острее, заставив европейцев уже в конце февраля 2011 г. заговорить о сотнях тысяч потенциальных беженцев с севера Африки и даже миллионе мигрантов, которые, по данным *BBC*, рассчитывают перебраться из Ливии в Европу³². Министр иностранных дел Италии Франко Фраттини предупредил, что Европа может столкнуться с «исходом библейского масштаба», если из Ливии туда хлынет «волна от 200 до 300 тысяч иммигрантов»³³. Глава итальянского МВД Р. Марони подтвердил, что его страна стоит «на пороге гуманитарного ЧП», и ЕС должен предпринять для его предотвращения все необходимые меры³⁴. Поток беженцев, хлынувших на небольшой итальянский остров Лампедуза, и возникшая там взрывоопасная социальная ситуация, подтвердили серьезность высказанных опасений³⁵. На февральском Совете министров внутренних дел шести средиземноморских стран ЕС подняли вопрос о необходимости общего механизма приема беженцев, позволяющего расселять их по всему Евросоюзу. В дальнейшем вопросы европеизации усилий в этой сфере постоянно находились в фокусе европейской политики, провоцируя серьезные внутренние разногласия и усиливая национальный протекционизм.

Эти аспекты европейской политики относятся преимущественно к сфере внутренних дел и правосудия и являются темой отдельного анализа, но в контексте внешней политики ЕС важно отметить два обстоятельства. Первое — меры экстренного реагирования в ответ на массовый поток беженцев были необходимы, но не достаточны: этот многоаспектный вызов требовал поиска новых ответов и комплексных решений, в том числе в рамках отношений с южно-средиземноморскими партнерами. Одним из очевидных ответов, который должны были дать европейские правительства, является формирование условий, кардинально снижающих мотивацию населения к бегству из своих стран. Приоритеты и механизмы, предусмотренные в новой средиземноморской стратегии ЕС, во многом отвечают этой цели. И не только ее ориентация на стабильное экономическое развитие и трансформацию общественно-политических систем арабских государств, но и такие акценты, например, как адресная поддержка молодежи и женщин, системы образования и местных рынков рабочей силы, улучшение условий легальной мобильности и т. д.

Вторым важным аспектом является то, что *Арабская весна* стала для ЕС не только внешним вызовом, но и прямой угрозой внутренней безопасности стран-участниц. Это, в свою очередь, стало существенным фактором, усиливающим различия и разногласия между ними, прежде всего между средиземноморскими и остальными странами ЕС, но не только. В связи с введением отдельными странами-участницами защитных механизмов (пограничный и таможенный контроль и т. д.) Еврокомиссия внесла ряд предложений о запрете односторонних решений о временных мерах пограничного контроля, что добавило к разногласиям между странами внутриинституциональное противостояние в ЕС. Понятно, что подобные конфликты интересов в крайне чувствительных сферах национального суверенитета порождают целый ком проблем во взаимоотношениях стран-участниц, проецируясь, в том числе и на их восприятие и подходы к урегулированию кризисных ситуаций в Средиземноморье.

ЛИВИЙСКИЙ КРИЗИС: ВЫЗОВ ЕВРОПЕЙСКОМУ ЕДИНСТВУ

После падения режима Хосни Мубарака усилилась готовность ЕС к более решительным действиям, чему способствовали три важных обстоятельства. *Во-первых*, осознание проявленной на первоначальной фазе кризиса европейской слабости, пассивности и непоследовательности, особенно в том, что касается осторожности по отношению к лидерам и режимам, которые впоследствии все-таки были свергнуты. *Во-вторых*, когда фактически одновременно с *народной победой* в Египте резко обострилась ситуация в Ливии, это окончательно убедило ЕС в необратимости и масштабности происходящих событий и изменений и, следовательно, в необходимости строить свою политику исходя именно из революционного сценария, уже возобладовавшего в Тунисе и Египте. *В-третьих*, возросла способность Евросоюза действовать более продуманно и решительно. ЕС признал необходимым кардинально пересмотреть свою Средиземноморскую политику и определился с ее основными параметрами. В то же время Брюссель развернул свои новые внешнеполитические механизмы, одновременно перенастроив их на задачи кризисного регулирования в регионе и апробировав их там в полевых условиях. В результате Евросоюз, несмотря на нарастающий вал арабской волны, в какой-то мере даже обрел большую уверенность.

Официальная позиция Евросоюза в отношении начавшегося ливийского кризиса хотя формально и базировалась на его *египетских* подходах, изначально формулировалась много более жестко: ливийский народ вправе сам выбирать своих лидеров, но Каддафи должен немедленно прекратить кровавые репрессии и начать диалог с его противниками. При этом многие европейские политики, в том числе тогдашний президент Европарламента Ежи Бузек, сразу публично заявили, что Каддафи полностью потерял легитимность и должен уйти, тем самым обозначив вектор европейского курса. Через несколько дней Баррозу, который столкнулся с серьезной парламентской критикой в адрес Еврокомиссии за ее невнятную линию в ответ на события в Тунисе и Египте, первым среди высших руководителей ЕС публично поддержал позицию Бузeka.

Ливийский курс ЕС, в отличие от недостаточной оперативности и целевой определенности политики по Тунису и Египту, был в целом определен много более четко и в сжатые сроки. В течение нескольких дней странам ЕС удалось договориться по основным параметрам политической позиции ЕС, которая ориентировалась на резолюцию СБ ООН 1970, принятую 26 февраля при активной европейской поддержке.

В ответ на усиление репрессий со стороны режима М. Каддафи в отношении участников протестов ЕС 22 февраля прекратил переговоры с ней по рамочному соглашению. Франция и Люксембург присоединились к требованию Финляндии и Германии ввести санкции против правящего режима, хотя ряд европейских стран (прежде всего Италия, Мальта и Кипр) временно оказались к этому не готовы. Но принципиальное согласие о введении санкций все же было достигнуто уже на следующий день в рамках посольской встречи Комитета по политике и безопасности ЕС (КПБ). Комитет образовал экспертную группу для рассмотрения всех возможных вариантов — от замораживания счетов и отказа в визах до эмбарго на поставки вооружений и прекращения всех экономических и финансовых связей. Одновременно ЕС начал подготовку к эвакуации пяти-шести тысяч его граждан из Ливии.

25 февраля КПБ ЕС решил заморозить активы и запретить выдачу виз лицам, виновным в репрессиях против ливийской оппозиции, и ввести эмбарго на поставку вооружений. Одоблив резолюцию СБ ООН 1970, содержащую аналогичные санкции, Совет ЕС 28 февраля утвердил также сопутствующие меры: запрет на поставку оборудования и материалов, которые могут быть использованы против демонстрантов, дополнения к спискам ООН на замораживание счетов и запрет на выдачу виз. Одновременно Еврокомиссия выделила на чрезвычайную гуманитарную

помощь 3 млн евро (стандартная, по правилам ЕС, сумма на эти цели), в основном на срочные поставки медикаментов и на помощь беженцам на границах Ливии с Тунисом и Египтом. А президент Франции Николя Саркози предложил созвать чрезвычайное заседание Евросовета для принятия «совместной стратегии в отношении ливийского кризиса, последствия которого могут оказаться действительно очень серьезными для всего региона».

Служба Кэтрин Эштон подтвердила, что ЕС уже занимается установлением контактов с оппозиционным Переходным советом, и это означает, что Брюссель прекратил все отношения с режимом Каддафи. Однако такая неопределенность с конкретными политическими адресатами ЕС ослабляла внутреннее единство европейской позиции как основы действий стран-участниц, провоцируя их на односторонние дипломатические шаги и контакты. В то время как официальный Брюссель отказался от любых контактов с режимом Каддафи, его эмиссаров принимали в некоторых других европейских столицах — для поиска возможного политико-дипломатического решения³⁶.

Вместе с тем ответ Евросоюза уже не был простым набором тех или иных мер и шагов в попытках сдерживания эскалации и восстановления порядка. Действия ЕС обрели более ясную направленность и, соответственно, комплексный характер. В ливийском контексте оформился и начал отрабатываться довольно понятный и четкий алгоритм практической политики ЕС в сфере кризисного реагирования и регулирования, включающий широкий арсенал методов, средств и инструментов — от определения конкретных политико-дипломатических позиций до последовательного наращивания давления в сочетании с чрезвычайными мерами гуманитарного характера. Это давало Брюсселю ряд весомых преимуществ.

Во-первых, заметно повысилась *производительность* ЕСВД, а внутренняя критика в отношении Брюсселя и общих политических механизмов ЕС была направлена на повышение их эффективности. Это, в свою очередь, укрепляло готовность и способность стран-участниц договариваться и формировать общие позиции и, напротив, в определенной мере сдерживало опасное усиление тренда ренационализации европейской политики. *Во-вторых*, более ясная политика давала более ясные сигналы и ориентиры и ее непосредственным адресатам, в данном случае участникам противостояния в Ливии, и другим арабским странам и обществам, и широкому кругу дипломатических партнеров ЕС в мире, включая прежде всего членов СБ ООН. *В-третьих*, комплексный алгоритм антикризисной политики ЕС обеспечивал большую политическую гибкость и оперативность — соответственно развитию конкретной ситуации. Обозначив свой принципиальный курс, Евросоюз мог в его рамках варьировать конкретные ответные меры, их набор и объем.

Это крайне важно не только в политическом плане, но и с точки зрения достижения эффективной управляемости в быстро меняющейся кризисной ситуации, когда счет может идти не только на дни, но даже на часы. Например, решения Совета ЕС 28 февраля по Ливии принимались с учетом сообщения К. Георгиевой, еврокомиссара по гуманитарной помощи и кризисному реагированию ЕС, которая заявила, что за последние часы ситуация в Ливии значительно ухудшилась. Затем с учетом этого президент ЕК Жозе Мануэль Баррозу объявил 2 марта о решении немедленно увеличить гуманитарную помощь с 3 до 10 млн евро, а через несколько дней — до 30 млн. Понятно, что в данном случае речь идет не столько об объемах помощи, сколько о проявлении европейской гибкости, включая способность брюссельской техники к оперативному реагированию — даже в сложных в процедурном отношении вопросах финансового обеспечения политики. В то же время Евросоюз стремился последовательно сочетать оперативные политические действия с внесением необходимых изменений в общую практику своих отношений с региональными партнерами. Для внеочередного саммита ЕС 11 марта служба Кэтрин Эштон подготовила доклад, официально опубликованный Еврокомиссией, где представлен обзор всех существующих соглашений и программ помощи ЕС, которые необ-

ходимо привести в соответствие с ситуацией, возникшей в результате крушения диктатур в Тунисе и Египте и развернувшейся гражданской войны в Ливии.

Однако, несмотря на возросшую решимость, продуманность и последовательность политики ЕС, в ливийском контексте обозначились серьезные различия в подходах стран-участниц и соответствующие ограничения общей внешней политики. Они проявились уже в преддверии и в ходе *программного* мартовского саммита ЕС. На саммите удалось договориться по принципиально важному пункту — лидеры стран ЕС заявили, что Каддафи должен уйти. Вполне логичным в этой связи стало и введение новых санкций, резко ограничивающих возможности режима распоряжаться ресурсами ливийских финансовых институтов — Государственного фонда, Инвестиционного управления и Центрального банка. Тем не менее сохранилась общая неопределенность относительно того, насколько далеко готов пойти Евросоюз в противодействии Каддафи. Настроения и позиции, национальные и политические, расходились по столь значимым вопросам, как военное противодействие режиму, масштаб и направленность санкций, возможность гуманитарных интервенций со стороны ЕС, поддержка оппозиции, признание Национально-го переходного совета (НПС).

Европейские *активисты* во главе с Францией призывали к жестким и решительным мерам, к чему были не готовы многие их партнеры. Еще на неофициальной встрече министров обороны ЕС 24–25 февраля (с участием Кэтрин Эштон и генсека НАТО Андерса Фог Расмуссена), французский министр Ален Жюппе (через два дня ставший главой МИДа) вынес на обсуждение вопрос, не стоявший в повестке, — о введении в Ливии запретной для полетов зоны, чтобы Каддафи не мог бомбить оппозицию. Кэтрин Эштон в ответ заявила, что ЕС готов поддержать любое решение предстоящей внеочередной сессии СБ ООН, но вопрос о военном вмешательстве в Ливии пока не рассматривается.

Споры в Евросоюзе вокруг ключевого вопроса его ливийской политики — о введении в стране свободной от полетов зоны — разгорелись на мартовской сессии Европарламента. Этого настойчиво добивались приглашенные представители НПС — бывший министр национального плана развития Махмуд Джебрил и бывший посол Ливии в Египте Али Аль-Есави. Однако при общем понимании депутатами необходимости усиления борьбы с режимом Каддафи и увеличения помощи повстанцам и беженцам по ключевому вопросу о бесполетной зоне между парламентскими группами выявились разногласия. Крупнейшая фракция ЕНП, Либеральные демократы и зеленые решительно выступили за такое решение. Евросовет, по словам лидера АЛДЕ Г. Верхофстадта, должен четко определить цель ЕС — сделать все, чтобы Каддафи не смог победить, поддержать тех, кто сражается с ним и предотвратить гражданскую войну. Фракция социал-демократов заняла сдержанную позицию, призвав найти средний путь между желанием оказать немедленную помощь и военной интервенцией, которая может состояться лишь на основе мандата ООН и с участием Лиги арабских государств (ЛАГ).

Однако уже на этом этапе проявились различия в понимании того, что конкретно подразумевает решение о бесполетной зоне и каковы могут быть последствия. Как полагал лидер зеленых Даниэль Кон-Бендит, «ясно, никто не собирается бомбить Ливию», речь может идти только о том, например, чтобы сбить взлетающий самолет. Он подчеркнул, что такое решение — прежде всего политический акт, направленный на изоляцию Каддафи. М. Портас от имени фракции объединенных левых выступил против «любой формы военной интервенции», включая введение бесполетной зоны, «которая может открыть дверь для такой интервенции»: «Мы знаем, как такие военные интервенции начинаются, и мы знаем, что начавшись, они не прекращаются». М. Шульц также предостерег от поспешных инстинктивных решений, которые «могут оказаться опасными в долгосрочном плане»³⁷.

Несмотря на возросшую поддержку идеи бесполетной зоны (в том числе со стороны ЛАГ) и остроту проблемы, а скорее понимая ключевое значение соответствующей

щих решений, Эштон продемонстрировала, что ЕС к ним пока не готов, в том числе и потому, что «бесполетная зона, по определению, означает различные вещи для разных людей» и необходимы дополнительные консультации. Она не поддержала и пункт парламентской резолюции с прямым призывом к ней установить отношения с НПС и инициировать его официальное признание, поскольку, по мнению Эштон, это прерогатива стран-членов, то есть Евросовета³⁸. Жаркие споры и разногласия по бесполетной зоне так и не заставили руководителя внешнеполитической службы ЕС высказаться по существу проблемы. Она заявила, что это не ее работа — занимать ту или иную сторону, а введение бесполетной зоны проблематично, пока такая необходимость не станет очевидной для всех.

Это рельефно обозначило фундаментальную двуединую проблему ЕС: с одной стороны, пределы формирования активной общей европейской политики в условиях различий позиций стран-участниц, с другой — пределы, за которыми те или иные страны ЕС (и политические силы) не могут более мириться с дефицитами общей политики, которые препятствуют реализации их значимых интересов.

Президент Франции Николя Саркози, неудовлетворенный амбивалентностью ливийской позиции ЕС, предпринял попытку разрешить эту дилемму ОВПБ, заострив проблему политического выбора союза. Французский президент неожиданно для своих европейских партнеров после встречи с эмиссарами НПС в Париже объявил 10 марта о признании Совета в качестве единственного легитимного представителя ливийского народа, пообещав обмен послами. Этот шаг, предпринятый без консультаций с партнерами, конечно, шел вразрез с общей культурой достижения политических компромиссов в ЕС и по сути разрушал с таким трудом отлаженный процесс выработки Союзом общих платформ и решений в отношении Средиземноморского региона. Мотивация Саркози в целом понятна. Он пытался сместить вектор европейской политики в сторону французского подхода и повести за собой Европу. Франция обеспечила бы себе передовые позиции в рамках ливийской политики Евросоюза и, следовательно, могла бы в перспективе рассчитывать на особое место и роль и в Ливии, и шире — в регионе. Даже если бы европейские партнеры Франции отказались следовать за ней, Саркози обретал дополнительные возможности и влияние, позиционируя себя в качестве «лучшего друга оппозиции», «бескомпромиссного борца с тиранией, за свободу и демократию», а внутри страны вполне резонно рассчитывал набрать дополнительные очки в предвыборной президентской кампании. Однако угол падения равен углу отражения, и такой откровенный нажим мог обернуться против Николя Саркози и его политики — как в случае вполне понятного раздражения партнеров и их сопротивления такому нажиму, так и в том случае, если они будут вынуждены следовать за лидером под его давлением.

Следует отметить, что партнеры Франции и Евросоюз были поставлены в крайне затруднительное положение, учитывая особый момент, выбранный президентом Саркози для объявления своего решения. В этот день завершились парламентские дебаты по Ливии, и принятая подавляющим числом голосов (584 из 620) резолюция с призывами к решительным мерам и признанию НПС, усилила позицию Саркози. А на следующий день, 11 марта, был запланирован внеочередной саммит, как раз чтобы договориться, по словам председателя Евросовета Хермана Ван Ромпёу, об общем политическом векторе действий в ответ на события в Ливии и в других странах арабского мира, вставших на путь перемен.

Однако на вечернем заседании Совета министров накануне саммита Францию не поддержал никто. Согласно комментариям Эштон, идея наладить диалог с оппозицией была верной, и Комиссия поддерживает с ней контакты, но решение о легитимности НПС должна принимать прежде всего ЛАГ, но не ЕС. Саркози считал правильным не идти на обострение и отступил назад. В его совместном с Дэвидом Кэмероном послании Ван Ромпёу в преддверии саммита говорится только о кооперативном диалоге с НПС и поддержке его усилий «подготовить репрезентативное и ответственное правительство»³⁹. В то же время франко-британское посла-

ние указывает на необходимость быть готовыми к любым решениям, включая «бесполетную зону или другие варианты противодействия воздушным атакам», в сотрудничестве с союзниками по НАТО и региональными партнерами.

Партнеры Франции были явно раздражены ее сумасшедшим шагом, по характеристике нидерландского премьера Марка Рютте. Премьер-министр Люксембурга подчеркнул: «Для европейцев правильно принимать решения на совместных встречах, а не за день до них»⁴⁰. По сути проблемы, многие страны-участницы настаивали, что дипломатическое признание в любом случае должно быть адресовано странам, а не политическим группам. Ситуация в Ливии, которая трактовалась в ЕС уже как гуманитарная катастрофа (из страны к тому моменту бежали и были эвакуированы 250 тыс. человек) объективно требовала принятия более жестких мер. На саммите было зафиксировано понимание, что «проблема имеет имя: Каддафи; он должен уйти»⁴¹, а это означало необходимость принятия соответствующих решений и действий. В итоговом заявлении лидеры стран ЕС назвали НПС политическим партнером по переговорам, хотя тем самым и не признали за ним исключительных прав представительства, считая важным поддерживать диалог со всеми оппозиционными силами. Многие страны-участницы настаивали на том, что дипломатическое признание в любом случае должно быть адресовано странам, а не политическим группам. Саммит не поддержал и франко-британскую линию в отношении военной акции в Ливии (в обеспечении бесполетной зоны): по мнению большинства государств — членов ЕС, это должно обсуждаться в ООН, ЛАГ и НАТО.

БЕРЛИН ПРОТИВ ПАРИЖА

Стало понятно, что в Евросоюзе наметился раскол, и поэтому Брюсселю необходимо, насколько возможно, избегать прямого столкновения позиций, сохранять политическую гибкость, оставляющую расходящимся во мнениях странам-участницам достаточное поле для маневра. Заявление внеочередного мартовского Евросовета о том, что ЕС глубоко озабочен воздушными атаками Каддафи и предпримет все необходимые меры для защиты мирного населения Ливии, означает, что Евросоюз оставляет открытыми двери для интервенции, хотя и прикрывая их дипломатическими жалюзи. Поэтому Саркози и Кэмерон выразили удовлетворение итоговым документом Совета, тогда как противники военной акции, прежде всего Германия, были удовлетворены сдержанностью ЕС.

Однако подобная гибкость как вынужденная реакция на неспособность к коллективным ответам, хотя и позволяла в определенной мере сгладить текущие разногласия, в конечном счете лишь усилила их.

Германия воздержалась при голосовании резолюции 1973 СБ ООН от 17 марта⁴² (принятой в ответ на обращение ЛАГ от 12 марта), которая усилила санкции против режима Каддафи и ввела бесполетную зону⁴³. Евросоюз, естественно, заявил о своей полной поддержке, но ФРГ заняла особую позицию, аргументировав ее своим неучастием в военных действиях. Ван Ромпёй и Эштон в совместном заявлении подтвердили, что «Европейский Союз готов выполнять эту резолюцию в рамках своего мандата и компетенций»⁴⁴.

Теперь уже немецкая позиция многими в Европе (да и в самой Германии) стала восприниматься как подрыв единого фронта борьбы с Каддафи и европейской солидарности перед лицом масштабных вызовов *Арабской весны*. «Германия предпочла приоритезировать внутреннюю мотивацию, когда потребовалось сделать трудный выбор на международном уровне»⁴⁵. Это расшатывало единство в ключевой момент, когда Европа должна была подтвердить на деле свою готовность «не упустить историческую возможность поддержать революционные движения» и способность взять на себя соответствующую возросшую роль и ответственность. Немецкая оппозиция создавала большие проблемы для ЕС и его ОВПБ,

чреватые серьезными последствиями. Германия затрудняла консолидацию политики Евросоюза в направлении франко-британской линии, к чему уже готовы были многие страны ЕС, особенно после принятия резолюции Совбеза⁴⁶. Но все было еще серьезнее: общая внешняя политика ЕС в целом дала глубокую трещину под ударами односторонних решений, идущих вразрез с коллективными интересами. Отныне, как отмечает *The New York Times*, в свете германского решения «идея единой европейской внешней политики предстает далекой как никогда, даже если первой солидарность нарушила Франция, неожиданно признав ливийскую оппозицию в качестве законной власти в стране»⁴⁷. После французской игры на опережение с признанием НПС особая позиция Германии убедительно продемонстрировала, что подобный крен к унилатерализму уже нельзя считать исключением. Напротив, европейские столицы и Брюссель вынуждены в значительно большей степени учитывать снижение национальных мотиваций к формированию общих подходов и, следовательно, в процессе политического планирования исходить из расчета наименьшего знаменателя ОПБО. Особенно, если учесть, что речь идет о таких тяжеловесах в ЕС, как ФРГ или Франция. «Когда все государства — члены ЕС единодушно поддерживали военную акцию в Ливии, отказ Германии согласиться с их позицией имеет последствия для ее соседей, поскольку Германия обладает большим влиянием в ЕС, чем большинство других его членов, и это показало, что она не боится использовать его, чтобы воспрепятствовать формированию общей позиции, которая ее не устраивает»⁴⁸.

Разрушительное воздействие на ОПБО, в частности на политику ЕС в Ливии и Средиземноморье, оказывает и то, что Германия нарушила стратегическую связку с Францией, считавшуюся приводным механизмом европейской интеграции и строительства ОВПБ. Более того, очевидно, именно желание сдержать средиземноморскую активность Франции и ее унилатерализм дало Германии весомые основания в ряду других публичных аргументов для *особой позиции* по ливийской проблеме. Причем ливийский кризис лишь обострил сдерживаемое франко-германское соперничество в регионе, открыто проявившееся уже в начальный период продвижения Францией (в 2007 г.) проекта Средиземноморского союза. Это обострение отношений произошло на фоне образования нового влиятельного *ливийского тандема* Лондона и Парижа, подписавшими незадолго до *Арабской весны* Договор о сотрудничестве в сфере обороны и безопасности⁴⁹. В случае поддержки тандема Германией это могло бы стать мощным фактором укрепления общей политики и роли ЕС, а в отсутствие такой поддержки произошло прямо противоположное — политический раскол. «Позиция Германии имеет критическое значение для любого возможного перевода двусторонних инициатив в многостороннее усиление европейской оборонной политики», но Германия, являясь единственной сравнимой с Францией и Великобританией страной, имеет существенно отличные от них взгляды на экспедиционные операции⁵⁰.

Дело усугублялось и тем, что до минимальной отметки упали котировки *Единой Европы* в Вашингтоне, где ожидали, что она наконец-то может взять на себя особую роль и ответственность в контексте *Арабской весны*, особенно в ее ключевой момент — борьбы с Каддафи. К тому же отказ Германии поддержать военную операцию, руководствуясь внутренними соображениями, резко контрастирует с *жертвой* Соединенных Штатов, которые решили связать свою стратегию с многонациональной акцией, а не с действиями под собственным управлением⁵¹. Позиция Германии в очередной раз убедила Вашингтон, что не *Единая Европа*, а европейские союзники являются адресатами американской и, тем более, атлантической политики. В свою очередь, в европейских столицах, так и не получивших дополнительных возможностей и стимулов реализовывать свои американские приоритеты в рамках общей политики безопасности ЕС, укрепилось понимание важности, если не безальтернативности партнерства, с США в межгосударственном и североатлантическом форматах.

Германский демарш не только не ослабил, но даже усилил решимость Франции и Великобритании действовать, поскольку резолюция ООН открывала такую воз-

возможность, а проблемы с формированием европейского концерта вполне оправдывали *сольное выступление*. Президент Саркози собрал 19 марта в Париже чрезвычайный саммит по Ливии с участием европейских лидеров, стран ЛАГ и генерального секретаря ООН. В итоговой декларации, подписанной также Ангелой Меркель, отмечается, что участники «решительно настроены предпринять все необходимые действия, включая военные, в соответствии с Резолюцией 1973 СБ ООН в обеспечение всех ее положений и требований»⁵². По завершении саммита французский премьер-министр Франсуа Фийон подтвердил, что время до начала операции исчисляется часами, и вечером 19 марта 2011 г. Франция, а затем Великобритания и США начали военную акцию по обеспечению бесполетной зоны и «защите гражданского населения и мест его проживания, находящихся под угрозой нападения, в Ливийской Арабской Джамахирии, включая Бенгази»⁵³.

В очередной раз события опережали Евросоюз, который оказывался в роли ведомого. Саркози перехватил инициативу и готов был повести за собой ЕС, как это он уже сделал во время войны в Грузии в августе 2008 г. Однако на этот раз ситуация была принципиально другой. Во время грузинского кризиса Франция председательствовала в ЕС и, взяв на себя крайне важную роль европейского представителя и посредника в переговорах, действовала от лица Союза, преодолевая инертность его политической машины и механизмов кризисного реагирования.

Парижский саммит состоялся совершенно в другой обстановке. Резолюция ООН давала Евросоюзу необходимую платформу для выработки коллективного ответа, несмотря на разногласия относительно военных мер. На 21 марта был запланирован Совет министров иностранных дел ЕС — для обсуждения ситуации в Ливии в контексте Резолюции 1973 и подготовки соответствующих решений Еросовета 24–25 марта. Поэтому Парижский саммит объективно для многих в ЕС был, во-первых, шагом к формированию (или восстановлению) внутреннего единства и политического баланса, позволявший, в том числе, учесть французские амбиции и в то же время не антагонизировать Германию. Во-вторых, французская инициатива укрепляла международный контекст ливийской политики Евросоюза и, что особенно важно для него, опору на поддержку арабских стран и возросшую роль и ответственность ЛАГ. Но Париж хотел к тому же использовать эту общую мотивацию в интересах закрепления собственного лидерства и консолидации франко-британской линии в политике ЕС.

Стремясь встать в европейском авангарде, Франция добивалась не только преимуществ внутри ЕС, но и укрепления своей особой роли как в арабско-средиземноморском регионе, так и в отношениях с США. Активность и лидерство также позволяли Саркози нейтрализовать критику в связи с провалами французской политики в Средиземноморье, крахом Союза для Средиземноморья и даже попытаться набрать на этом поле новые очки в преддверии президентских выборов во Франции в апреле 2012 г.⁵⁴. Поэтому для Парижа в этой политической партии главными, очевидно, являлись мотивы собственного активного лидерства, подтягивания политики Евросоюза к своим интересам, а не стремление к компромиссной европейской платформе с учетом различия в интересах.

Вряд ли европейские партнеры Франции не видели и не понимали этих амбиций. Кто-то закрывал на них глаза, чтобы не обострять отношений или остаться в стороне и избежать собственной ответственности. В других европейских столицах, как, вероятно, в Берлине или Варшаве, усиливалось понимание необходимости противостоять французской экспансии, но не было возможности делать это напрямую. В любом случае французский напористый национализм, который Париж к тому же пытался прикрыть знаменами общих европейских и международных интересов, вызывал в Евросоюзе возрастающие опасения и внутреннее отторжение. Президент Саркози, все более следуя девизу Наполеона «ввязаться в бой, а там посмотрим» и его наступательной логике, тянул за собой партнеров, что грозило им серьезными дипломатическими проблемами и политическими потерями. С одной стороны, это провоцировало нарушение внутриевропейских

балансов и нарастание противоречий, с другой — вынужденные шаги в русле французской политики заставляли страны ЕС и Союз в целом разделять с Парижем соответствующие риски, во многом не оправданные с точки зрения их собственных интересов.

В результате Совет ЕС 21 марта вынужден был обсуждать ситуацию в Ливии не столько с точки зрения возможных европейских ответов на основе резолюции ООН, сколько исходя из уже свершившегося факта — военной операции, начатой Францией (в коалиции с Великобританией и США) без предварительных консультаций в ЕС. Другим фактом, определявшим контекст встречи, стала критика, прозвучавшая накануне, то есть на следующий день после начала операции, со стороны ЛАГ, а также Африканского союза. По словам Амр Мусы, генерального секретаря ЛАГ (уже тогда объявившего о решении баллотироваться на пост президента Египта), начавшиеся боевые действия вышли за рамки мер, необходимых для выполнения резолюции ООН и защиты мирных жителей в Ливии: Лига выступала за создание бесполетной зоны, но никак не за бомбардировки, включая столицу страны Триполи. Последовавший комментарий *Washington Post* отражал преобладавшую оценку произошедшего: «Отказ в поддержке со стороны Арабской лиги, даже частичной, может привести к крупному поражению американско-европейской кампании», особенно учитывая что «западные лидеры, за два дня до начала бомбардировок, размахивали решением Арабской лиги [в поддержку бесполетной зоны. — Д. Д.] в качестве обоснования собственного военного решения и оружия в дебатах по принятию резолюции Совета Безопасности ООН»⁵⁵. Появились сообщения о том, что если критицизм ЛАГ сохранится и к операции не присоединится никто из ее членов, США могут выйти из коалиции, фактически не оставляя иного выбора Франции и Великобритании⁵⁶.

В этих условиях скептические настроения в Евросоюзе усилились, и на Совете не удалось преодолеть различий в позициях между Францией и Великобританией, с одной стороны, и рядом других стран, прежде всего Германией и Польшей⁵⁷, с другой, хотя французский министр иностранных дел Ален Жюппе пытался убедить коллег в том, что без военного вмешательства Бенгази «был бы теперь кровавой баней»⁵⁸. Гидо Вестервелле подтвердил, что Германия по-прежнему отказывается участвовать в коалиционной операции «Одиссея Рассвет», поскольку с ней изначально связано слишком много рисков, и эти озабоченности подтверждаются недавними оценками, прозвучавшими со стороны ЛАГ. Кипрский министр Маркос Киприану подчеркнул, что целью должно быть мирное разрешение ливийского кризиса и ЕС должен быть нацелен именно на это, а не на воздушные атаки. Франко Фраттини также заявил, что Италия отвергает войну в Ливии.

В результате в заключениях Совета подтверждается, что страны ЕС готовы к коллективным решительным действиям в поддержку резолюции 1973, но будут действовать каждый собственным образом. Пока коллективные действия ограничились расширением списка лиц и организаций, в отношении которых действуют санкции. Однако и здесь проявились значимые различия. Германия, не поддерживающая военного решения, выступила сторонником максимально жестких невоенных мер. С немецкой точки зрения, наилучшим вариантом было бы введение жестких санкций против ливийского нефтегазового комплекса вплоть до полного эмбарго. Интересно, что Вашингтон также считал эмбарго необходимым, а партнеры Берлина по ЕС, причем некоторые из них имеют серьезные интересы в этом секторе ливийской экономики, не оспаривая саму возможность санкций, были явно не настроены к их быстрому введению и массивному наращиванию. «Примечательно, что именно те страны, которые с таким задором сейчас бомбят Ливию, одновременно продолжают экспортировать из нее нефть», — прокомментировал ситуацию министр экономического развития ФРГ Дирк Нибель⁵⁹.

Разногласия и политическая неопределенность в ЕС были так велики, что на Евросовете 24–25 марта, главной целью которого было договориться по страховому фонду в Еврозоне, сначала даже не предполагалось документально оформлять

какие-либо решения по Ливии. Однако итоговый документ все же удалось согласовать, закамуфлировав спорную тему военной акции расплывчатыми дипломатическими формулировками. Саммит «отметил, что действия, предпринятые в соответствии с мандатом Совета Безопасности, внесли значительный вклад в защиту гражданского населения и населенных районов, находившихся под угрозой атаки, и помогли спасти жизни гражданских лиц»⁶⁰. Саркози интерпретировал это как полученную в ЕС поддержку, показывающую, что Союз полностью един в ливийской проблеме. Но вполне очевидно, что для многих европейских лидеров ключевой является ссылка на действия в соответствии с мандатом, позволяющая воздержаться от прямой оценки действий Франции и Великобритании. Но даже эти неоднозначные результаты саммита (очень значительные, по характеристике Ван Ромпёя) достигнуты лишь тогда, когда в НАТО было принято окончательное решение взять военную операцию на себя⁶¹.

Такая вынужденная гибкость Евросоюза позволяла сохранить основы политического единства позиции по Ливии, но отнюдь не единство практической политики. Преимущества Евросоюза как мягкой силы, обладающего комплексным инструментарием кризисного реагирования, оказались существенно девальвированы в результате европейской разобщенности. В условиях, когда взгляды стран-участниц на способы и инструменты урегулирования в Ливии существенно разошлись, содержание политики ЕС как общих действий на основе общих позиций размывалось, скорее она становилась для стран-участниц общим политико-дипломатическим зонтиком. Даже достигнутое на мартовском саммите согласие о том, что ЕС готов оказать оперативную поддержку гуманитарным акциям в Ливии под эгидой ООН, в значительной мере мотивировано попыткой продемонстрировать востребованность механизмов общей политики безопасности и обороны, которую оказалось невозможно задействовать в операции, начатой двумя ведущими членами ЕС вразрез с линией ведущей европейской державы. Поэтому принятое решение отражало не готовность оппонентов Франции и Великобритании к полевым гуманитарным действиям в Ливии, а фиксацию той планки, выше которой они в любом случае не готовы были идти под эгидой ЕС (зато, как оказалось, смогли объединиться в рамках операции НАТО).

Надо отметить, что Евросоюз оказался в довольно сложном положении, столкнувшись с проблемой политического выбора, который осложнялся не только различиями во взглядах на военный ответ стран-участниц, но и в большой степени зависел от внешних игроков, их политики и решений. С одной стороны, Соединенные Штаты изначально подчеркивали, что не они являются инициаторами военных действий в Ливии, и решение Барака Обамы поддержать акцию (на фоне военных операций в Афганистане и Ираке) было для его администрации весьма трудным. Соглашаясь лишь на вспомогательную роль, Вашингтон подразумевал, что лидерство возьмут на себя европейцы. С другой стороны, большинство членов и высших чиновников Евросоюза не видели возможности, по разным причинам, для соответствующего усиления его военной активности. Многие европейские страны были готовы принять и расширить участие в военной операции, но только под надежным руководством и командованием — НАТО, чему, в свою очередь, активно препятствовала Франция, рассчитывая занять освобожденное американцами место лидера⁶². Это стало преградой для формирования широкой коалиции вокруг тройки Франция–Британия–США и для оформления ясной позиции Евросоюза.

Когда через неделю после начала операции в Ливии, в течение которой шли интенсивные дебаты о ее конфигурации и распределении ролей, стало очевидно, что французский проект не набрал необходимой поддержки в Европе, в НАТО было принято решение взять операцию на себя. Объективно возложение военной миссии в Ливии на НАТО не было чем-то экстраординарным, учитывая ее военные ресурсы, преимущества и опыт. Проблема состояла в том, что Евросоюз более десятилетия наращивал, и в целом не безуспешно, собственный оперативный потенциал кризисного реагирования, аргументируя это необходимостью укрепления европейской автономии и способности действовать, когда США и НАТО сочтут

это нецелесообразным. Когда же *исторический момент* настал, и Европа должна была взять на себя лидерство, проект ОПБО оказался не востребован. Интересно, что начало этому проекту было положено также совместными усилиями Франции и Великобритании (инициатива Сен-Мало, 1998 г.), тогда получивших полную поддержку партнеров по ЕС.

Важной для Евросоюза задачей стало *восстановление лица*, поскольку передача командования операцией в Ливии через *брюссельский забор* в НАТО воспринималась, особенно на фоне французской активности и американской сдержанности, как свидетельство недееспособности ЕС. Это восприятие усиливалось возросшим недоверием к ЕС в связи с кризисом управляемости в еврозоне и, в свою очередь, еще более усиливало давление на него.

В Евросоюзе передачу военной операции под управление НАТО, естественно, интерпретировали в позитивном ключе — как результат достигнутого европейцами консенсуса, поддержанного американскими союзниками, и как оправданное и целесообразное разделение труда в рамках выполнения международных усилий под эгидой ООН. Однако в дальнейшем различия в подходах, интересах и приоритетах настолько усилились на фоне неопределенности военной кампании и перспектив урегулирования в Ливии, что многие заговорили о кризисе европейского единства и даже о том, что Ливия окончательно разрушила надежды на него. И только после свержения Каддафи и завершения военной операции, которая в конечном счете достигла политической цели международной коалиции с участием ЕС, акцент вновь изменился: эксперты и обозреватели стали подчеркивать ведущую европейскую роль⁶³.

МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА

Евросоюз, освобожденный НАТО от дилеммы военного выбора, обрел более четкую систему координат, в которой он мог действовать в привычных для себя рамках, задействовав комплексный инструментарий ОВПБ, за исключением боевого потенциала. Обострилось и понимание необходимости возвращаться к европейскому единству. Это, конечно, не означало, что в Евросоюзе преодолены разногласия, взаимные претензии и недоверие, вызванные перетягиванием каната его ведущими игроками. Но обострение противоречий в ЕС, глубокие разломы в платформе европейской солидарности в результате *выбросов* национализма и франко-германского диссонанса, связанные с этим политические ущербы и для оппонентов, и для их партнеров, и для Евросоюза в целом — все это стало после натовского решения для стран Евросоюза фактором общеевропейской самодисциплины. И Берлин, и Париж, и другие столицы были заинтересованы компенсировать ущербы, демонстрируя готовность и способность к компромиссам и более активным действиям в сфере своей ответственности, границы которой были обозначены передачей военной функции в НАТО.

В этой связи особенно актуальным стал вопрос о возможности проведения Евросоюзом операции ОПБО в поддержку гуманитарных миссий в Ливии. С одной стороны, были бы активированы оперативные механизмы ОПБО, и ЕС подтвердил бы их востребованность на практике, несмотря на неучастие в боевых действиях. С другой стороны, с учетом большой цены вопроса шансы на достижение внутреннего консенсуса заметно возросли.

Уже 1 апреля Совет ЕС одобрил учреждение военной операции в поддержку международных гуманитарных мер содействия в связи с ливийским кризисом (EUFOR Libya)⁶⁴. Были очерчены основные задачи EUFOR Libya — защита передвижения и эвакуация беженцев и содействие работе гуманитарных агентств, определен оперативный штаб — в Риме, первоначальный бюджет — 7,9 млн евро на четыре месяца. Назначенный командующим итальянский контр-адмирал Клаудио Гаудио-зи приступил к разработке оперативных предложений.

Однако более детальное планирование операции вновь спровоцировало разногласия стран Евросоюза по военному вопросу. Они разошлись во мнениях относительно самого принципа военной поддержки гуманитарной миссии и ограничений в рамках мандата EUFOR Libya. Берлин использовал дискуссию, чтобы продемонстрировать, что в таком *гуманитарно-европейском* формате он готов к самым решительным действиям. Германия, которая входила в *дежурную* боевую группу ЕС под командованием Нидерландов, заявила о готовности развернуть свой контингент в рамках EUFOR Libya. Однако ряд стран ЕС выступили принципиально против, отвергая любой вооруженный контакт с ливийской территорией ввиду запрета резолюции 1973 ООН на применение оккупационных сил. Другие, напротив, полагали, что это положение не распространяется на гуманитарные действия. Швеция вне зависимости от интерпретации резолюции Совбеза блокировала предоставление военных средств в распоряжение гуманитарной миссии, тогда как другие страны полагали это приемлемым в ограниченном объеме при условии, если соблюдаются «принципы Осло» по гуманитарной помощи (то есть когда средства такой военной поддержки качественно отличаются от сил в рамках военных операций). В результате Совет министров 12 апреля так и не принял концепцию операции, подготовленную накануне Военным штабом ЕС.

Немецкая газета *Bild* сообщила некоторые подробности этой секретной концепции, попавшей в ее распоряжение. Они достаточно ясно показывают, насколько высоко была установлена военная планка операции и, следовательно, насколько серьезными оказались связанные с этим риски и разногласия. Достаточно сказать, что, согласно концепции, «оценка рисков операции в Ливии варьируется от высокой до критической»⁶⁵.

Чтобы хоть как-то спасти ситуацию, Брюссель принял *соломоново решение*. Так как решение о начале операции может быть принято только после получения запроса от Управления ООН по координации гуманитарных вопросов (УКГВ ООН), принятие оперативного плана EUFOR Libya также можно отложить до обращения УКГВ. Уже после этого Эштон объявила, что страны-участницы все же достигли соглашения по концепции операции. Но, поскольку она так и не прошла процедуру официального обсуждения и одобрения, есть все основания полагать, что это не более чем дипломатическое прикрытие отсутствия отложенного *на потом* решения, до которого дело уже вряд ли дойдет.

Томас де Мезьер, министр обороны ФРГ подтвердил, что получение запроса от ООН на проведение европейской операции маловероятно, так как ситуация в Ливии остается напряженной и риски для гуманитарной миссии чрезмерно велики⁶⁶. *Во-первых*, УКГВ вообще не склонна прибегать к военной поддержке и считает необходимым условием начала гуманитарных миссий соответствующее согласие враждующих сторон. *Во-вторых*, ее обращение в любом случае обусловлено предварительной уверенностью в готовности и способности потенциального партнера предоставить эффективную поддержку, а ЕС продемонстрировал скорее обратное. Не удивительно, что запрос УКГВ так и не поступил, и EUFOR Libya так и не состоялась: Брюссель подал довольно ясный сигнал ООН, чтобы не получить от него сигнала действовать.

Но декларированная политически готовность Евросоюза к проведению операции в Ливии подчеркивала, что Союз не исключает развертывание операций ОПБВ в средиземноморских странах в дальнейшем, хотя достижение соответствующих договоренностей после неудачи с EUFOR Libya стало более проблематичным. До настоящего времени ЕС не инициировал ни одной такой операции. После смены режима в Ливии министры обороны ЕС обсуждали возможности оказания ей содействия в реформировании сектора безопасности, контроля в сфере вооружений, пограничного контроля и т.д. Но дискуссия оказалась фактически беспредметной, поскольку отсутствовали соответствующие политические установки и планы.

Таким образом, и эта попытка использовать военную составляющую ЕС в ливийском урегулировании фактически провалилась — несмотря на высокую мотивацию к активным действиям, достигнутое общее политическое понимание и согласие и даже одобренные Советом правовые рамки возможной операции. Брюссель так и не смог компенсировать, хотя бы отчасти, свои политические потери в связи со внутренним разногласиями по действиям в Ливии. Напротив, со всей очевидностью подтвердился системный, принципиальный характер раскола внутри ЕС: когда одни, как французский министр иностранных дел Ален Жюппе, считают, что Союз, особенно с учетом ливийских событий, не может быть лишь *гуманитарной НПО*, а другие, включая Кэтрин Эштон, крайне сдержанно относятся к практическому применению его военного инструментария.

В результате *Ливия* подтвердила парадоксальный характер общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Ее поступательное и в целом динамичное развитие, новые возможности, включая институциональный и оперативный потенциал, отвечающие заявленным Евросоюзом амбициозным целям — обеспечить себе место влиятельного игрока на международной арене, толкают его к большей политико-дипломатической и практической активности во внешнем мире, особенно в сфере кризисного регулирования. Но, с другой стороны, страны-участницы по-прежнему далеки от единства, их интересы по значимым проблемам внешней политики не только не совпадают, но часто сталкиваются, и это ограничивает их возможность эффективно использовать созданные инструменты и механизмы ОПБО. Другими словами, парадокс состоит в том, что во многих ситуациях Брюссель не может не действовать — но и действовать не может.

Попытка задействовать инструменты ОПБО в ходе урегулирования масштабного внутреннего вооруженного конфликта в Ливии, который фактически превратился в гражданскую войну, отражала стремление ЕС к активной политике и ответственному лидерству, но с самого начала была трудно реализуемой — учитывая как чрезмерные военные и политические риски, так и различия в подходах государств-членов. Однако исчерпав возможности двигаться в этом направлении, Евросоюз одновременно избавился от провоцирующей разногласия повестки, вернувшись в круг своей традиционной политики *мягкой силы*, отраженной и в его новой средиземноморской стратегии. Попросту говоря, «оставались невоенные инструменты реагирования на кризис, которыми ЕС и воспользовался», и «ставка на *мягкую силу* оставалась в работе у Европейского союза и на всем протяжении эскалации напряженности вокруг Ливии с начала 2011 г.»⁶⁷.

При этом Евросоюз, естественно, не внес каких-либо изменений в свою общую антикризисную стратегию, предусматривающую комплексное использование всего набора имеющихся в его распоряжении ресурсов — гражданского и военного реагирования. Напротив, усилилось понимание необходимости практического укрепления комплексного подхода. В ходе ливийского кризиса Евросоюз задействовал новую структуру, созданную в ответ на вызовы *Арабской весны* — Кризисную платформу ЕСВД (КП/ЕСВД), призванную улучшить внутреннюю координацию внешнеполитических органов ЕС⁶⁸. С марта по октябрь 2011 г. регулярно проводились сессии в рамках Кризисной платформы для обеспечения многоаспектного системного ответа на ливийский кризис. Несмотря на то, что оперативный потенциал ОПБО так и не был применен на практике, использование в политическом планировании Кризисной платформы дает Брюсселю основания говорить о том, что в ходе ливийского кризиса осуществлялась «эффективная оперативная координация, которая позволила ЕС более эффективно использовать все наличные инструменты: политические, дипломатические, военные, экономические, в сфере развития и гуманитарные»⁶⁹. После того как 31 октября 2011 г. НАТО прекратила операцию в Ливии, Евросоюз, по соглашению с ООН и Всемирным банком, приступил к исследованию возможностей своего присутствия (изучаются пограничный режим и контроль, развитие гражданского общества, женский вопрос, СМИ и телевидение). После исследования Евросоюз будет готов, если последу-

ет просьба ливийского правительства, предоставить соответствующую помощь в сфере безопасности оперативной координации ЕСВД.

На пресс-конференции по итогам Международной конференции друзей Ливии 1 сентября 2011 г. Кэтрин Эштон подтвердила, что наряду с уже объявленными целевыми направлениями помощи Ливии Евросоюз предполагает распространить свою деятельность и на сферу безопасности, где раньше он фактически не был представлен. ЕСВД занята подготовкой соответствующих мер содействия, включающих обучение и подготовку полиции, помощь в восстановлении вооружений, защите границ. Таким образом, ЕС рассчитывает найти и занять свою нишу в сфере политики безопасности уже на этапе посткризисного восстановления.

ЛИВИЙСКИЕ УРОКИ И СИРИЙСКИЙ ТУПИК

Военный вопрос в политическом планировании антикризисной активности Евросоюза в Южном Средиземноморье был фактически окончательно исчерпан, когда арабская волна захлестнула Сирию. Колоссальные проблемы, связанные с военной кампанией в Ливии, растущие сомнения в ее легитимности, неопределенность перспектив операции и соответствующие негативные политические эффекты заставляли *забыть* о военных опциях реагирования на разрастающийся вооруженный конфликт в Сирии, потенциально не менее острый и кровавый, чем ливийский.

Закрытые военные пути решения проблемы заставили Евросоюз, с одной стороны, действовать более осмотрительно, чем в Ливии, оставляя, насколько возможно, Башару Асаду пути к отступлению. С другой стороны, в отсутствие потенциальных военных рычагов страны ЕС должны были усилить ставку на иные меры давления. Первоначально Брюссель традиционно ограничивался решительным осуждением репрессий против участников массовых антиправительственных демонстраций, начавшихся 15 марта 2011 г., выражал глубокую озабоченность ситуацией в Сирии (а также в Йемене и Бахрейне), призывал Асада отменить чрезвычайное положение и приступить к «ясной и истинной программе политического реформирования»⁷⁰. Но после начатой сирийским правительством 25 апреля 2011 г. войсковой операции в городе Дераа с большим числом жертв среди мирного населения, Франция призвала Евросоюз и ООН к принятию сильных мер; Бельгия заявила, что точка невозврата уже достигнута; Германия и ряд других европейских стран высказались за введение санкций.

29 апреля 2011 г. Комитет по политике и безопасности ЕС (КПБ) одобрил введение против Сирии односторонних санкций Евросоюза, включая оружейное эмбарго, отзыв предложения ЕС о подписании договора об ассоциации, отмену помощи и содействия непосредственно сирийскому правительству, замораживание активов и запрет на въезд в ЕС лиц, причастных к репрессиям. Показательно, что когда через неделю решался вопрос о включении в рестрикционный лист Башара Асада, за что выступали Великобритания, Франция, Нидерланды, Швеция и Дания, владела иная точка зрения — Германии и Испании, поддержанных центральноевропейскими странами: сирийский президент не был включен в список, чтобы сохранить как возможность дальнейшего ужесточения мер воздействия, так и возможность коммуникации с Дамаском. 23 мая 2011 г. Совет министров иностранных дел ЕС усилил санкции против Сирии, добавив к упомянутому списку еще 10 лиц, включая президента Асада и некоторых членов его семьи⁷¹. Интересно, что этот список постоянно дополняется. В дальнейшем странам Евросоюза удалось договориться по весьма болезненному вопросу — введения и ужесточения санкций против нефтегазового комплекса Сирии. В ответ на десятый пакет санкций, одобренный Советом 1 декабря 2011 г. (запрет на сирийский экспорт нефтегазового оборудования, торговлю сирийскими ценными бумагами, открытие в ЕС новых отделений сирийских банков и т. д.), Сирия объявила о своем выходе из Союза для Средиземноморья, одним из основателей которого была.

Однако, в отличие от ливийского сценария, Евросоюз так и не задействовал Кризисную платформу ЕСВД, в первую очередь, очевидно, потому, что в этот механизм включены все структурные компоненты кризисного урегулирования, в том числе военные.

Меры давления, предпринимаемые Евросоюзом в отношении режима Асада, усиливали его изоляцию и, соответственно, уменьшали собственные политико-дипломатические ресурсы диалога с ним. Потеряв перспективу принятия резолюции по Сирии Советом Безопасности, после того как она была заблокирована Россией и Китаем, Евросоюз, призывающий Асада отказаться от власти, принял решение признать Сирийский национальный совет «легитимным представителем сирийцев, стремящихся к мирным демократическим переменам»⁷². После этого у Брюсселя остается только один путь ужесточения своей позиции — признание правящего в Сирии режима нелегитимным. Но такая изоляция одновременно лишает Евросоюз присутствия в Сирии и перспективы активного прямого влияния. В условиях отсутствия международного консенсуса и, тем более, международной интервенции создается тупиковая ситуация, в которой Евросоюз вряд ли может играть активную роль, хотя и оставаясь при этом одним из заметных друзей Сирии.

НОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ, НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Обкатка механизмов ОПБО в условиях реального и масштабного ливийского кризиса в целом способствует повышению их эффективности. Однако возникает вполне логичный вопрос: зачем создавать инструменты, которые не применяются на практике в ситуациях, на которые они и были рассчитаны. Еще в начале 2000-х гг. Н. Арбатова справедливо отметила: «Каждый новый кризис в международных отношениях за последние 10–13 лет (конфликт в бывшей Югославии в 1991–1995 гг., косовский кризис 1999 г., *черный сентябрь* 2001 г., война в Ираке) лишь подтверждал существующий разрыв между экономическим весом ЕС и его ограниченными возможностями противостоять новым угрозам, порождая евроскептицизм. Вместе с тем каждый новый кризис способствовал продвижению и развитию ОВПБ и попыткам придать ЕС военное измерение»⁷³. Но все же дилемма ОПБО «инструменты–цели», действительно не новая во внутренней дискуссии в ЕС, существенно усилилась в контексте *Арабской весны* и будет, вероятно, для него довольно значимым вызовом, увеличивающим разногласия.

Если для одних государств относительная слабость ОПБО является аргументом для совершенствования ее инструментов и механизмов, для других, напротив, — неэффективной тратой ресурсов, неоправданным дублированием с НАТО и т. д. Особенно в ситуации, когда растут подозрения, что создание совместного потенциала ОПБО может использоваться отдельными странами ЕС не столько в коллективных, сколько в собственных интересах.

О различном восприятии перспектив развития ОПБО и связанных с этим противоречиях внутри ЕС свидетельствует, например, судьба Веймарской инициативы, выдвинутой незадолго до *Арабской весны* Германией, Францией и Польшей и поддержанной затем Италией и Испанией в совместном послании Эштон — *письмо пяти* о создании в ЕС совместных постоянных структур оперативного планирования и управления. Польша, председательствовавшая в ЕС во второй половине 2011 г., когда со всей очевидностью проявились серьезные дефициты ОПБО, настойчиво вносила objection этой инициативы в повестку Евросоюза. Но в целом безуспешно — проект заблокирован Великобританией, для которой он представляет, по словам, главы Foreign Office Уильяма Хэйга, красную линию. Однако *пятерка* продолжает проявлять настойчивость, чтобы сформировать внутри ЕС фронт в поддержку инициативы, которая может быть реализована и без Великобритании, путем применения лиссабонских механизмов «постоянного структурированного сотрудничества».

Арабская весна оказала весьма противоречивое воздействие и на новые лиссабонские механизмы ЕС. С одной стороны, Евросоюз оказался институционально подготовленным, завершился относительно длительный и крайне сложный подготовительный этап введения в действие нового институционального инструментария, приступила к работе ЕСВД. С другой стороны, ЕСВД была поставлена в крайне тяжелую ситуацию, когда она должна была мобилизовать коллективные усилия стран-участниц в ответ на расширяющийся кризис регионального масштаба, не имея ни политического, практического и процедурного опыта, ни соответствующего авторитета. Только что сошедший с европейского конвейера автомобиль был укомплектован новой командой и отправлен на Север Африки для участия в ралли Париж–Дакар.

Постепенно, и относительно быстро под давлением кризиса, внешнеполитический механизм был отлажен, и ЕС выработал довольно четкий политический алгоритм, включающий политико-дипломатические усилия, гуманитарные действия, помощь и содействие экономическому развитию, а также комплекс рестриктивных мер, в первую очередь санкций. Евросоюз добился довольно успешного сочетания мер чрезвычайного кризисного реагирования с долгосрочным политическим планированием и программами. Но в то же время ЕСВД находится под постоянным огнем критики с разных сторон.

Особенно отчетливо она звучит из Европарламента, депутаты которого упрекали Эштон в чрезмерной осторожности, а реакцию ЕСВД считают слишком медлительной и зависимой от интересов больших государств. Эта критика не сводилась лишь к политической риторике, она содержится и в одобренных Европарламентом документах, например, в докладе Р. Гуальтьери по ОВПБ в мае 2011 г.⁷⁴. Парламентарии призвали Эштон «интерпретировать ее роль как активную» (а не реактивную), она должна активно добиваться консенсуса стран-участниц по стратегическим вопросам и выработать политические решения ЕС, вести, а не следовать, как выразился Э. Брок, председатель внешнеполитического комитета ЕП.

Неудовлетворенность деятельностью Высокого представителя усилилась настолько, что министр иностранных дел Бельгии Стивен Ванакере публично высказал ее в газете *Le Soir*. По его мнению, Эштон не смогла усилить способность ЕС говорить одним голосом по ключевым международным проблемам, таким как потрясения в арабском мире. ЕСВД должна стать «центральной осью, вокруг которой могут организоваться государства-члены». Но поскольку сильной и активной ЕСВД не существует, «сегодня немцы, завтра французы или англичане берут на себя часть этой стержневой роли, и тогда именно вокруг них должны группироваться и другие! Эффект центробежный — не центростремительный»⁷⁵. По мнению Ванакере, можно принять то, что кто-то реагирует на события быстрее Эштон, но при условии, что она сосредоточена на среднесрочной и долгосрочной стратегии и «гиперважных темах», но этого пока нет. В аппарате Эштон отвергли обвинения, заявив: «Мы не разделяем это мнение. Мы делаем свою работу и делаем ее хорошо». В подтверждение было сказано, что именно Эштон подготовила позицию ЕС по Ливии, сделала все необходимое для введения санкций против Каддафи и подготовки к проведению в стране гуманитарной миссии. Сама Эштон весьма позитивно и с оптимизмом оценила результаты работы ЕСВД в первые четыре месяца после ее инаугурации. В своем послании, опубликованном 9 мая 2011 г. в *Europe Day*, она назвала своей целью превратить ЕСВД в «единую платформу для обеспечения европейских ценностей и интересов во всем мире». По ее словам, новая система уже доказала свою значимость для ЕС — в быстро меняющейся ситуации в Северной Африке.

Недостаточные внятность и определенность ОПБО, слишком большая осторожность по отношению к уходящим лидерам и режимам, помноженная на *проблемы роста* ЕСВД, относительно ограничили рейтинг Брюсселя в регионе. Даже крайне высокая заинтересованность новых политических сил в арабских странах в поддержке ЕС, во всех формах — дипломатической, политической, финансовой, эко-

номической и т.д. — отнюдь не означала автоматически и не означает сейчас, что главным для них европейским адресом является Брюссель. Вот лишь один, но весьма показательный пример. Посещение Эштон Египта, запланированное по решению Евросовета в рамках ее визитов в страны Магриба и Ближнего Востока (Тунис, Израиль, Палестина, Ливан, Иордания) было отложено, поскольку египетское временное правительство сочло это нецелесообразным. Получив приглашение на 21–22 февраля, Эштон рассчитывала быть первым западным представителем высокого ранга, посетившим Египет после ухода Мубарака. Однако ее опередил британский премьер Кэмерон, который нанес внезапный визит в Каир 21 февраля, как и политдиректор госдепартамента США В. Бёрнс. Министр финансов Египта Радван обратился к Великобритании за поддержкой просьбы Египта списать его долги перед странами ЕС. Это также весьма показательно — с точки зрения приоритетов новых властей арабских государств, которые остаются весьма прагматичными.

После победы в Ливии и в целом продуктивного диалога с новыми властями, пришедшими к власти в арабских странах на смену свергнутым режимам, авторитет службы Эштон несколько укрепился. На слушаниях в Комитете по внешней политике Европарламента, посвященным оценке деятельности ЕСВД за год после ее учреждения, отчетливо зазвучали голоса в ее поддержку: «Несмотря на все проблемы и препятствия, ЕСВД проделала успешную работу» (У. Луначек), — и Эштон удалось, несмотря ни на что, создать новый институт и успешно действовать на многих направлениях, включая Ливию (А. Ньюетс-Уйтенброк)⁷⁶.

Однако это не изменило преобладающих критических оценок: «Хотя создание ЕСВД было позитивным», служба пока не обеспечивает ожидаемого от нее лидерства, необходимого для внешней политики ЕС, «ей не достаёт амбициозности», чтобы «побуждать государства-члены к действию» (А. Гомес)⁷⁷. Более того, критика в адрес ЕСВД и ее главы обрела предельно острые формы. 8 декабря 2011 г. министры иностранных дел 12 государств ЕС⁷⁸ направили Кэтрин Эштон закрытое совместное послание, отражающее их крайнюю неудовлетворенность ее деятельностью и приуроченное к двухлетней годовщине официального учреждения ЕСВД. Согласно агентству *Daily Telegraph*, которому стало известно содержание письма, министры подчеркнули, что им даже не дается необходимого времени для работы с документами, выносимыми на ежемесячные сессии Совета, выразив тем самым сомнения в желании Эштон сотрудничать с ними. Хотя письмо выдержано в дипломатических тонах и содержит конкретные предложения по совершенствованию ЕСВД, в официальных и дипломатических кругах оно рассматривается как обязательный вердикт двухлетней работе Эштон⁷⁹. «Как обычно, баронесса Эштон и ее спикер, заняв защитную позицию, отказываются принимать какие-либо претензии со стороны государств-членов»⁸⁰, заявляя: «Многие предложения, содержащиеся в письме, уже были воплощены на практике. ЕСВД работает очень плотно и успешно с другими институтами и государствами-членами»⁸¹.

Но эта острая полемика внутри ЕС свидетельствует и о том, что речь идет не только, а может и не столько о неэффективности ЕСВД и роли Высокого представителя, сколько об отсутствии для этого необходимого условия — единства внутри ЕС. «Государства-члены теперь более разделены, чем до Лиссабонского договора»⁸². «Письмо двенадцати» также можно трактовать как свидетельство существующих в Евросоюзе различных политических лагерей. Не все в ЕС разделяют конкретные предложения этого послания. Например, Британия не может согласиться с инициативой создать в делегациях ЕСВД службы атташе по вопросам обороны и безопасности, поскольку это было бы узурпацией национальных компетенций и суверенитета.

Таким образом, институциональные преобразования в ЕС с одной стороны и *Арабская весна* с другой усилили конфликт интересов внутри Союза по всем линиям: между отдельными странами, включая ведущие; между группами государств (например, малыми и большими, южными и северными); между национальными

государствами и европейскими институтами; между самими институтами ЕС и т. д. *Арабская весна* стала не только внешним, но и серьезным внутренним вызовом для Европейского союза. Довольно рельефно проявились существенные дефициты и ограничения внешней политики ЕС, которые во многом носят системный характер и поэтому лишь частично могут быть компенсированы за счет оптимизации институциональных механизмов ЕС.

«СОТРУДНИЧЕСТВО — ЗА ДЕМОКРАТИЮ» (ЕВРОПЕЙСКИЕ ШАХМАТЫ И ВОСТОЧНЫЕ НАРДЫ)

Несмотря на то что Евросоюз действительно сумел в довольно сжатые сроки и в ситуации быстро развивающихся кризисов, охвативших одну за другой страны региона, сформулировать свою политическую позицию и обновленную стратегию действий, наладил диалог и взаимодействие с новыми правительствами и политическими силами, мобилизовал и реструктурировал существенные ресурсы для посткризисного восстановления и развития, главной проблемой остается неясный характер *тектонических сдвигов* в арабском мире, неопределенность его будущего развития.

Объединяя события в арабском мире, даже терминологически, под единой политико-идеологической упаковкой *Арабской весны* (или арабской демократической волны), Европа априори исходит из того, что эти события мотивированы демократическими императивами. Когда европейские политики приравнивают *Арабскую весну* по значимости к революционным событиям в Центральной и Восточной Европе в 1990-е гг., также неизбежно возникают демократические аллюзии. Хотя осознание населением арабских стран несправедливости, тирании, авторитаризма, коррупции и т. д. отнюдь не означает *весну демократии*. Объединение с Европой вокруг европейских ценностей и стандартов, на чем настаивает ЕС, не является политической целью новых властных элит — для них это по-прежнему больше игра в демократию с использованием определенных атрибутов с целью заручиться поддержкой «наивных» европейцев.

Однако Евросоюз не только сохранил демократические целеустановки в качестве основы своей стратегии в арабо-средиземноморском регионе, но и, понимая их уязвимость, вынужден был ввести критерии *демократической обусловленности* («большее за большее») развития нового Средиземноморского партнерства. Этот новый *демократический прагматизм* приходит на смену провалившемуся многолетнему прагматическому сотрудничеству ЕС со стабильными, хотя и недемократичными партнерами в арабском мире. Вероятно, для многих в Европе это тоже соблюдение необходимых правил игры, для того чтобы обеспечить себе преимущества в новой позиционной игре на арабской доске. Но теперь у европейских стран и ЕС гораздо меньше пространства для прагматических отступлений от ценностных установок — как в силу декларированных изменений европейской стратегии, так и в виду того, что *правильность* европейской линии стала особой сферой общественно-политического внимания и контроля. Брюссель должен продемонстрировать, по словам Кон-Бендита, «что *реалполитик* теперь является политической поддержки демократии и не является более политикой поддержки диктаторской системы»⁸³. Для Евросоюза акцент на демократические стандарты попросту не имеет альтернативы в рамках выбора официального средиземноморского курса, идеологической основой которого провозглашается демократическая миссия ЕС. Европейские политики продолжают, искренне или вынужденно, убеждать себя и других в успешности такого курса. «Если мы посмотрим на то, что случилось во время *Арабской весны*, мы сможем за этим увидеть роль ЕС в распространении ценностей. ЕС является мостом между различными странами и культурами», — подчеркивает Пьер Вимон, исполнительный генеральный секретарь ЕСВД⁸⁴.

Не пытается ли Евросоюз играть в шахматы на доске для игры в нарды?

Крепнут опасения, что под знаком *демократической революции* происходит радикализация арабского мира. Что Европа, обеспечив себе новые рычаги влияния на новых партнеров, не сможет в дальнейшем играть роль успешного менеджера трансформационных процессов, которые никак не уместятся в демократические рамки. Политика *мягкой силы* как метод управления и контроля, основанный на экспорте европейских ценностей, норм и стандартов через какое-то относительно непродолжительное время может войти в еще больший диссонанс с векторами развития стран-партнеров, которых европейская *мягкая сила* интересуется не как демократический метод, а в основном как материальный источник. С другой стороны, «существуют обстоятельства, когда продвижение демократии продолжает сталкиваться с другими жизненными интересами на Ближнем Востоке и в силу веских причин не стоять первым пунктом в списке западных приоритетов»⁸⁵.

Поэтому уже теперь все громче звучит вопрос, какой урожай соберет ЕС, орошая *Арабской весной поля, засеянные новыми семенами*. Усиливается и стратегическая нестабильность, связанная с изменением, начавшимся, но отнюдь не завершенным, геополитического расклада сил в регионе, как внутренних, так и внешних. Ситуация усугубляется тем, что сохраняется высокая неопределенность ситуации в Сирии, где предельное давление Евросоюза на режим Башара Асада фактически исключает возможности отступления, но нет возможности применения радикальных мер, как в Ливии. Другие болевые точки Ближнего Востока, обострение иранской проблемы — все это существенно повышает конфликтный потенциал региона и снижает шансы на его относительно быструю стабилизацию.

Но если европейская стратегия «сотрудничество — за стабильность» провалилась, и если новый подход — «сотрудничество — за демократию» не будет отвечать будущим реалиям развития в арабо-средиземноморском регионе, на чем тогда будет базироваться европейская политика? И в какой мере она сможет в этих условиях оставаться действительно общей политикой ЕС, испытывая возрастающее давление геополитических подходов ведущих игроков в регионе, в том числе и со стороны собственных государств-участников? Пока Евросоюз в большей мере занят текущими проблемами, и варианта Б у Брюсселя нет.

ЕС предпочитает мыслить категориями *исторических возможностей*, игнорируя обратную сторону *арабской монеты* — возрастающие риски. Поэтому в Европе *Арабскую весну* сравнивают с демократическим прорывом в ЦВЕ, в то время как Кондолиза Райс, бывший госсекретарь США, называет ее одним из трех *великих шоков* для международной системы, навсегда изменивших пути осмысления мироустройства (наряду с 9/11 и мировым финансовым кризисом)⁸⁶.

Принцип «большее за большее», очевидно, пока будет работать, и может дать ЕС определенные рычаги влияния. Но на Востоке случаются не только *демократические революции*, и рост регионального рынка экспорта европейских ценностей может оказаться спекулятивным и потому краткосрочным. Поэтому новая средиземноморская стратегия партнерства ЕС явно недостаточна, она явно нуждается в дополнении с учетом неблагоприятных сценариев; необходимы и коррективы европейской стратегии безопасности, соответствующие нынешним и потенциальным вызовам нестабильности и безопасности, исходящим из региона.

Примечания

¹ В этой статье не рассматриваются действия ЕС по отдельным странам региона и их специфика, тем более в хронологическом порядке, что предполагало бы описание своего рода матрицы «страна–событие–реакция». Обращаясь к тем или иным странам или событиям, автор анализирует проблемы, с которыми столкнулся Европейский союз и его внешнеполитический аппарат, и европейские ответы на арабский вызов.

² Cohn-Bendit Daniel. Tunisie: Trop, c'est trop! Communiqué de presse. 2011. 12 janvier. <http://www.cohn-bendit.eu/fr/ct/77> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

- ³ Barroso José Manuel Durão. Growth and economic governance — orientation debate on energy and innovation. SPEECH/11/1, <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/11/1&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ⁴ Joint statement by EU High Representative Catherine Ashton and Commissioner Štefan Füle on the situation in Tunisia. A 018/11. Brussels. 2011. 17 January.
- ⁵ Депутаты ЕП на сессии 17 января аплодировали выступлению Д. Кон-Бендита, в котором он призвал поддержать выступления тунисского народа. «Надежда на свободу, которую мы увидели в 1989 г. в Восточном блоке, теперь родилась в такой стране, как Тунис. Завтра мы увидим это в Алжире, а послезавтра — в Египте и Иордании». European Parliament. Debates. Strasbourg. 2011. 17 January. <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20110117+ITEM-011+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ⁶ Written Ministerial Statements. Column 47 WS. Brussels. 2011, 3 February, <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201011/cmhansrd/cm110203/wmstext/110203m0001.htm#11020324000155> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ⁷ Council of the European Union. Council conclusions on Tunisia 3065th Foreign Affairs Council meeting. Brussels. 2011. 31 January.
- ⁸ Council of the European Union. 3065 th Foreign Affairs Council meeting. 5888/1/11 REV 1 (en). PRESSE 16 v. PR CO 4. Brussels. 2011. 31 January. P. 7.
- ⁹ MEPs offer solidarity with Tunisian protesters but question EU foreign polic. *European Parliament News*. 2011, 3 February, <http://www.europarl.europa.eu/news/en/pressroom/content/20110203IPR13099/html/MEPs-offer-solidarity-with-Tunisian-protesters-but-question-EU-foreign-policy> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ¹⁰ European Council. 4 February 2011. Conclusions. Nr: EUCO 2/1/11. Brussels. 2011. 8 March.
- ¹¹ A Partnership for Democracy and Shared Prosperity with the Southern Mediterranean. Joint communication to the European Council, the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. — Brussels. 08.03.2011. COM (2011) 200 final.
- ¹² EU Commission launches ambitious Partnership for Democracy and Shared Prosperity with the Southern Mediterranean. IP/11/268. Brussels. 2011. 8 March.
- ¹³ A Partnership for Democracy and Shared Prosperity. P. 3.
- ¹⁴ Remarks by President Herman VAN ROMPUY at the press conference following the extraordinary European Council on EU Southern Neighbourhood and Libya/European Council. The President. PCE 065/11. Brussels. 11 March 2011. — P. 2.
- ¹⁵ Extraordinary European Council. 11 March 2011. Declaration. EUCO 7/1/11, REV 1. CO EUR 5, CONCL 2. — Brussels. 20 April 2011. P. 5.
- ¹⁶ A Partnership for Democracy and Shared Prosperity. P. 8.
- ¹⁷ European Parliament resolution of 7 April 2011 on the review of the European Neighbourhood Policy — Southern Dimension. P7_TA (2011)0154. — Strasbourg. Thursday. 7 April 2011.
- ¹⁸ European Parliament resolution of 7 April 2011 on the review of the European Neighbourhood Policy — Eastern Dimension. P7_TA-PROV (2011)0153. — Strasbourg. Thursday. 7 April 2011.
- ¹⁹ A new response to a changing Neighbourhood. Joint communication to the European Council, the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. — Brussels. 25.5.2011. COM (2011) 303 final.
- ²⁰ Европейский Союз: Факты и Комментарии. Выпуск 63–64: январь–июнь 2011 г. — М.: Ассоциация европейских исследований, 2011. С. 49.
- ²¹ The EU's response to the 'Arab Spring'. COM (2011)303. MEMO/11/918. 16/12/2011.
- ²² В тексте документа понятие «дифференцированный подход» даже выделено жирным шрифтом.
- ²³ A Partnership for Democracy and Shared Prosperity. P. 2.

- ²⁴ A Partnership for Democracy and Shared Prosperity. P. 5.
- ²⁵ Déclaration commune du sommet de Paris pour la Méditerranée. Paris. 13 juillet 2008. P. 9.
- ²⁶ Ibid. P. 8.
- ²⁷ Mise en œuvre de la politique européenne de voisinage en 2009. Rapport de Suivi Tunisie. Document de travail des Services de la Commission, accompagnant la Communication de la Commission au Parlement Européen et au Conseil. — Bruxelles. 12/05/2010, SEC (2010) 514.
- ²⁸ Tunisie. Programme Indicatif National. 2011–2013.
- ²⁹ European Parliament. Debates. Monday. — Strasbourg. 2011, 17 January, <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20110117+ITEM-011+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ³⁰ A Partnership for Democracy and Shared Prosperity. P. 2.
- ³¹ Ibid. P. 2.
- ³² Юг Европы не хочет в одиночку принимать мигрантов. *BBC. Русская служба*. 2011, 24 февраля, http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/02/110224_eu_asylum_revamp.shtml (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ³³ Аль-Каида захватила первый город. *МК.RU*. 24 февраля 2011, 24 февраля, <http://www.mk.ru/politics/article/2011/02/24/568131-alkaida-zahvatila-pervyy-gorod.html> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ³⁴ Юг Европы не хочет в одиночку принимать мигрантов. *BBC*.
- ³⁵ С начала года через Лампедузу прошли до 20 тысяч беженцев. К середине марта там собрались почти шесть тысяч нелегальных иммигрантов, что превышало численность местного населения. (См.: Юрий Дерябин. Беженцы громят итальянский остров. Ежедневная электронная газета *Утро.ru*. 2011, 4 апреля, <http://www.utro.ru/articles/2011/04/04/966646.shtml>) (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ³⁶ 3–4 апреля 2011 г. замминистра иностранных дел Ливии А. Лаабиди посетил Грецию, Турцию и Мальту.
- ³⁷ European Parliament. 6. Southern Neighbourhood, and Libya in particular, including humanitarian aspects (debate). 2011, 9 March, <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20110309&secondRef=ITEM-006&language=EN> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ³⁸ European Parliament resolution of 10 March 2011 on the Southern Neighbourhood, and Libya in particular. P7_TA (2011)0095. 2011, 10 March.
- ³⁹ Letter from the PM and President Sarkozy to President Van Rompuy. 2011, 10 March, <http://www.number10.gov.uk/news/letter-from-the-pm-and-president-sarkozy-to-president-van-rompuy/> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ⁴⁰ Crazy move by Sarkozy on Libya: Dutch Premier. *The Indian Express*. 2011, 11 March, <http://www.indianexpress.com/news/crazy-move-by-sarkozy-on-libya-dutch-premier/761224/> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ⁴¹ EU leaders want Gaddafi out, but split over how to do it. *The International Business Times*. 2011, March 11, <http://www.ibtimes.com/articles/121735/20110311/libya-eu.htm> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ⁴² Резолюция 1973 (2011), принятая Советом безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года/Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. S/RES/1973 (2011). Distr.: General. 2011, 17 March.
- ⁴³ Канцлер ФРГ А. Меркель в качестве главной причины отказа голосовать «за» назвала «подразумеваемый автоматизм» участия Германии в авиационной операции в случае поддержки ею резолюции. Однако, по свидетельству журнала *Шпигель*, в ответ на запрос депутата Бундестага от СДПГ Гернота Эрлера правительство сообщило о 16 случаях, когда Германия на дипломатическом уровне поддерживала военные операции, в которых не принимала участия.

- ⁴⁴ Joint statement by President of the European Council Herman Van Rompuy, and EU High Representative Catherine Ashton on UN Security Council resolution on Libya. PCE 072/11. A 110/11. Brussels. 2011, 17 March, [http://www.european-council.europa.eu/the-president/press-releases-\(new\).aspx?lang=en&page=10](http://www.european-council.europa.eu/the-president/press-releases-(new).aspx?lang=en&page=10) (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ⁴⁵ Rousseau Richard. Why Germany Abstained on UN Resolution 1973 on Libya. *Foreign Policy Journal*. 2011, June 22, <http://www.foreignpolicyjournal.com/2011/06/22/why-germany-abstained-on-un-resolution-1973-on-libya/> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ⁴⁶ Проект Резолюции 1973 был выдвинут на обсуждение в СБ ООН Великобританией, Францией и Ливаном, в подготовке проекта принимали активное участие США.
- ⁴⁷ Erlanger Steven and Dempsey Judy. Germany Steps Away From European Unity. *The New York Times*. 2011, March 23.
- ⁴⁸ Rousseau Richard. Why Germany Abstained on UN Resolution 1973 on Libya.
- ⁴⁹ Treaty between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic for Defence and Security Co-operation. London. 2010, 02 November.
- ⁵⁰ Jones Ben. Franco-British military cooperation: a new engine for European defence? Occasional Paper 88. European Union Institute for Security Studies. Paris, 2011. Pp. 38, 47.
- ⁵¹ UN no-fly zone over Libya: what does it mean? *The New Statesman*/Available at: http://www.newstatesman.com/blogs/the-staggers/2011/03/libya-military-resolution-fly?utm_content=NewState&utm_source=twitterfeed&utm_medium=twitter&utm_campaign=NewStat (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ⁵² Paris Summit for the support to the Libyan people. Communiqué. 2011, 19 March.
- ⁵³ Резолюция 1973 (2011), п. 4.
- ⁵⁴ Внутриполитическая цена ливийской политики Н. Саркози в это время оказалась чрезвычайно высока. Его партия «Союз за народное движение» потерпела серьезное поражение на первом туре кантональных выборов 20 марта (17% против 25% у социалистов и сенсационных 15,18% у Национального фронта). Ставка на решимость, лидерство и победу в борьбе с Каддафи могла развернуть симпатии электората и в перспективе изменить в пользу Саркози предвыборную ситуацию во Франции.
- ⁵⁵ Cody Edward. Arab League condemns broad bombing campaign in Libya. *The Washington Post*, 2011, March 21.
- ⁵⁶ Libya air strikes: Gaddafi vows 'long war'. *The BBC News*. 2011, 20 March, <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-12798568> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ⁵⁷ Польский премьер-министр Дональд Туск, единственный из западных участников Парижского саммита, не считая Германии, не предложил никакого военного содействия в Ливии.
- ⁵⁸ Bulletin Quotidien Europe 10343-24/3/2011. P.3.
- ⁵⁹ Blood and Oil? German Minister Hints at Libya Mission Hypocrisy. *Spiegel Online*. 2011, 25 March, <http://www.spiegel.de/international/germany/0,1518,druck-753126,00.html> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).
- ⁶⁰ European Council. 24/25 March 2011. Conclusions. EUCO 10/1/11 REV 1. Brussels. 20 April 2011. P. 7.
- ⁶¹ Решение об управлении морской операцией было принято 22 марта, а о контроле над бесполетной зоной — 24 марта. С учетом политических директив Лондонской международной конференции по Ливии 29 марта НАТО с 31 марта 2011 г. «приняла единое командование и контроль международными военными усилиями в отношении Ливии» (См. офиц. сайт НАТО: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_71652.htm).
- ⁶² Против выступала и Турция, официально аргументируя это опасениями, что на нее и на альянс в очередной раз будет возложена ответственность за неизбежные жертвы среди гражданского населения.

⁶³ См., напр.: Европейский Союз—2011: перемены под знаком кризиса. *Новая Эуропа*. 2011, 28 декабря, http://n-europe.eu/article/2011/12/28/evropeiskii_soyuz_2011_peremenu_pod_znakom_krizisa (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

⁶⁴ Council decision 2011/210/CFSP of 1 April 2011 on a European Union military operation in support of humanitarian assistance operations in response to the crisis situation in Libya (EUFOR Libya) of the European Union. *Official Journal of the European Union*. Decisions. 5.4.2011, L 89/17–89/20.

⁶⁵ Среди прочего, план предусматривает охрану портов и аэродромов, куда будет доставляться гуманитарная помощь, а также защиту гуманитарных миссий и обеспечение их горючим. Зоной проведения операции будет вся Ливия вплоть до южных границ с Суданом, Чадом и Нигером. Под наблюдением военнослужащих ЕС должны также находиться районы на границе с Египтом, Тунисом и Алжиром. В составе «EUFOR Libya» — несколько рот военнослужащих, к которым добавятся подразделения саперов, боевые пловцы, авиадиспетчеры и спецподразделения по эвакуации раненых солдат и сбитых пилотов. Предусматривается также использование боевых кораблей сопровождения для охраны судов с гуманитарными грузами, вертолетов, машин-амфибий, военной спецтехники и мобильных медицинских комплексов. Основными угрозами силам ЕС, участвующим в операции, названы активность террористических банд, нападения с использованием мин и других взрывных устройств, а также возможное вовлечение солдат ЕС в межплеменные конфликты (Von Dirk Hoeren. Geheimes Einsatz-Konzept. So gefährlich wird der Libyen-Einsatz für die EU/Bild.de. 2011, 25 April, <http://www.bild.de/politik/ausland/libyen-krise/so-gefaehrlich-wird-der-libyen-einsatz-fuer-die-eu-17577440.bild.html#> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

⁶⁶ Министр обороны ФРГ назвал отправку немецких войск в Ливию маловероятной. *Lenta.ru*. 2011, 18 апреля, <http://lenta.ru/news/2011/04/18/einsatz/> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

⁶⁷ Юрьева Татьяна. «Мягкая сила» ЕС в подходе к ливийскому урегулированию. 2011, 7 апреля, <http://www.mgimo.ru/news/experts/document184950.phtml> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

⁶⁸ В КП/ЕСВД включены структуры кризисного управления и реагирования службы (Директорат кризисного управления и планирования, Департамент кризисного реагирования, Военный штаб ЕС, Служба гражданского планирования и операций, Ситуационный центр, Ситуационный зал, а также соответствующие географические и тематические департаменты), Военный комитет ЕС, соответствующие службы Европейской Комиссии (Гуманитарной помощи и гражданской защиты, Развития и сотрудничества, Служба управления инструментами внешней политики и т. д.).

⁶⁹ Официальный сайт Европейского союза, <http://www.consilium.europa.eu/eeas/foreign-policy/crisis-response/crisis-in-libya> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

⁷⁰ Council of the European Union. Council conclusions on Syria. 3082nd Foreign Affairs Council meeting. Luxembourg. 12 April 20. P. 1 (<http://www.consilium.europa.eu/press/press-releases/foreign-affairs?target=2011&infotarget=&max=555&bid=78&lang=en&id=>).

⁷¹ Council of the European Union. EU strengthens restrictive measures against Syria. Brussels. 23 May 2011.

10559/11. PRESSE 149.

⁷² Council of the European Union. Council conclusions on Syria. 3149th Foreign Affairs Council meeting. Brussels. 27 February 2012 (<http://www.consilium.europa.eu/press/main-topics?target=2012&infotarget=&max=15&bid=73&lang=en&id=>).

⁷³ Надежда Арбатова. Новая стратегия безопасности ЕС (российский взгляд на «документ Соланы»). *Современная Европа*. 2003. № 4. С. 60–68.

⁷⁴ European Parliament resolution of 11 May 2011 on the development of the common security and defence policy following the entry into force of the Lisbon Treaty (2010/2299 (INI). P7_TA (2011)0228. — Strasbourg. 2011, 11 May.

⁷⁵ Steven Vanackere dit ses quatre vérités à Cathy Ashton/Le Soir, Mercredi 4 mai 2011, P. 14.

⁷⁶ EU External Action Service: praise and blame one year on. Committee on Foreign Affairs. Press release. 2012, 22 March, <http://www.europarl.europa.eu/committees/en/afet/home.html> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Франция, Германия, Италия, Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Швеция, Финляндия, Польша, Латвия, Литва, Эстония.

⁷⁹ Waterfield Bruno. Baroness Ashton's diplomatic service accused of basic failings. *The telegraph*. 2011, 23 December, <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/eu/8975866/Baroness-Ashtons-diplomatic-service-accused-of-basic-failings.html> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

⁸⁰ First Euro crisis now diplomatic crisis — 12 EU members against Catherine Ashton *WordPress.com*, <http://esmirmilavic.wordpress.com/2012/01/07/first-euro-crisis-now-diplomatic-crisis-12-eu-members-against-catherine-ashton/> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

⁸¹ Waterfield Bruno. Baroness Ashton's diplomatic service accused of basic failings.

⁸² По мнению Л. Яаконсаари (Ibid.).

⁸³ European Parliament. Debates. — Strasbourg. Monday, 17 January 2011, <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20110117+ITEM-011+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ Möckli Daniel. Debate. 2011, 27 septembre, <http://www.iss.europa.eu/fr/publications/detail-page/article/q-impotent-bystanders-how-did-the-eu-and-us-respond-to-the-arab-spring-4/> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

⁸⁶ Starr Valerie. Rice Talks of World Shocks in Sacto. 2012, January 12, <http://www.calwatchdog.com/2012/01/12/rice-talks-of-world-shocks-in-sacto/> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).